Ильин, Викторин Иванович Дорогами фронтового связиста [Текст] / В. И. Ильин // Военные приключения: сборник / сост. Ф. Ю. Рабинович. – Курган, 1994.

Часть 1

Давно отшумела моя беспокойная юность, ушли в прошлое ожесточенные бои за Ленинград, завяли посаженные на могилах цветы, но беспокойное сердце постоянно возвращает к событиям того времени. В 1940 году я работал преподавателем физкультуры в городе Томске, и спортивное общество «Учитель» направило меня для повышения знаний по физической подготовке в Ленинградский институт физкультуры. Приехав в Ленинград, я успешно сдал вступительные экзамены, но продолжать учебу не мог: стипендии со всех студентов в те тревожные дни были сняты, а у меня в Томске остались жена и сын, которые, конечно же, без моей помощи обойтись не могли. И все-таки желание совершенствоваться взяло верх: в институте разрешалось свободное посещение лекций и практических занятий, и я решил продолжать учебу с отрывом времени на другую производственную деятельность, устроился на работу методистом по физкультуре и спорту на судостроительный завод. Работа шла хорошо, радостно. Но все радости оборвались теплым летним утром 22 июня 1941 года. Не зная ни о чем, я, беззаботно напевая, ранним утром пошел в завком за документами, чтобы поехать на футбольный матч, в Колпино. В завкоме, несмотря на ранний час, было многолюдно. Все чем-то озабочены. Я спокойно открыл стол и начал собирать необходимые бумаги, но бухгалтер завкома остановил меня: - Не спеши, Викторин. Присядь. Охолонь. - Что случилось? В чем дело? - Война! Германия напала ... Уже бомбят наши города! Я онемел от такого страшного сообщения мужчины. А он продолжал: - В парткоме формируется ополчение, иди туда! Иди! Собравшись с силами, я побежал в военкомат. - Хочу защищать Родину в действующей армии! Мне ответили весьма категорично: - Если будешь нужен - вызовем! А пока обучай ополченцев рукопашному бою! Написал я заявление и о зачислении меня в состав ополчения. С первых дней началась подготовка с учебными винтовками. Но занятия длились недолго, всего четыре дня. Вскоре всех ополченцев передислоцировали в Колпино, а затем в Ленинград. ...Никогда не забуду Ленинград первых дней Великой Отечественной войны. Город, еще недавно наполненный смехом и музыкой, стал хмурым, тревожным. Даже туманы, наплывавшие по утрам с Балтики, были черными, и плакали по ночам женщины, и метались в тревожных снах дети. Но боевому духу ленинградцев можно было позавидовать. «Родина - в опасности!», «Все на защиту Ленинграда!» Эти и другие лозунги звучали в сердцах. Вскоре после передислокации в Ленинград ополченцам выдали военную форму, и подразделения, казавшиеся гражданскими, зажили воинской жизнью с ее уставами, дежурствами и дисциплиной. Меня, имевшего военную специальность связиста, определили в роту связи. Я получил телефонные аппараты и другое оборудование и начал обучать солдат. Нелегкое это дело: бывших гражданских «очкариков» - интеллигентов научить «премудростям» боевого связиста, но люди с большой охотой изучали азы военной науки, потому что в большой беде была Отчизна. От подъема до отбоя, несмотря на лишения, они готовили себя к смертельным схваткам с врагом. Через несколько дней в роту, на занятия, пришли старшие командиры и объявили, что будут формировать батальон связи. И опять у меня новая должность! Вызвали в штаб и назначили командиром отделения на телефонную станцию дивизии. Вот здесь-то и встретился я впервые с моими незабываемыми боевыми друзьями, с которыми впоследствии, на кровавых фронтовых тропинках, пришлось делить и хлеб, и табак. Это были: техник по ремонту телефонов, ветеран гражданской войны 1918 года Шаронин, техник по ремонту телефонов Костин, телефонисты: Рогачева, Малафеева, Крупицкой, Бент и другие. Быстро летели дни. Несмотря на то, что на многих участках фронта, в том числе и на Северо-Западном, противник имел успехи, город Ленина бомбежке пока не подвергался: наши летчики мужественно защищали балтийское небо, фашистам не удавалось прорваться к городу. Тревоги, часто объявляемые в частях и на заводах, были ложными. ... 27 июня наша Первая гвардейская дивизия народного ополчения вновь была передислоцирована. На этот раз - в Красное Село! Здесь мы почти всю первую половину

августа с предельной интенсивностью продолжали учебу. Много было хорошего в жизни дивизии. Были и несчастья. В одно из моих дежурств (я был назначен дежурным по связи) поступило сообщение о несчастном случае: молодой связист, не умея обращаться с гранатой («лимонкой»), нечаянно вырвал кольцо, граната взорвалась совсем недалеко от связиста (в последнюю секунду он догадался отбросить ее в сторону). Связист был ранен. На ЧП мы поехали вместе с начальником штаба батальона. Начальник штаба как, оказалось, очень слабо ориентировался по карте, и мы заблудились. Лишь после того, как за карту взялся я, младший по званию, мы нашли желаемое направление и приехали к месту происшествия. Раненому была уже оказана помощь, да и само ранение, к счастью, было не тяжелым. Впоследствии, в тяжких боях с фашистами, командиры неустанно предупреждали своих боевых товарищей: «Осторожнее обращайтесь с оружием!» Хотя факты случайных ранений и даже гибели из-за неосторожного обращения с оружием все-таки бывали. ... 14 августа 1941 года наша дивизия (I-я, гвардейская дивизия народного ополчения), не закончив формирования и учебы, была поднята по тревоге и погружена в воинские эшелоны. Штаб дивизии, в том числе и мы, связисты, на машинах продвинулись до станции Волосово. Эх, эта станция Волосово, когда-то красивое, чистое селенье! Сейчас она была изуродована немецкими бомбами. Горели дома, дымилась истерзанная разрывами земля. Тяжкое, безрадостное зрелище! Выгрузка дивизии также шла в спешном порядке. Осложнения вызывали артиллерийские кони. Они не были приучены заходить в вагоны по трапам или выходить из них, хотя с животными занимались люди, приведшие их из деревень, они все-таки прыгали через трапы, причиняя себе немалый вред. После выгрузки - тридцатикилометровый марш-бросок. Я заметил, что кони были приняты командирами без седел. И я вспомнил свое босоногое детство: мальчишками мы любили гонять на лошадях без седел и знали, во что такая езда может обойтись. Не без содрогания я подумал, как после такого довольно длительного переезда без седел, наши военные всадники будут ходить по земле. Боеспособность от этого, конечно же, не возрастет. Ну, как бы там ни было, а к вечеру этого же дня мы были уже довольно далеко от Волосово, в небольшой деревне Князево. Я установил коммутатор, навел связь. Всю ночь просидел на запасном КП (командном пункте). Утром меня вызвали на КП дивизии, и я получил (в который раз!) новое назначение: я был назначен дежурным по связи. Постоянное общение с командирами позволяло мне неплохо разбираться в боевой обстановке. Я знал, что противник умело использует имеющуюся в большом количестве технику, в первую очередь, - танки и авиацию, непрерывно ведет авиаразведку. Пехота и танки действуют нахально, часто применяют шумовые имитации. Я знал также, что против нашей еще необстрелянной дивизии стоят части немцев с большим превосходством в численном составе и по технике. Предстояли грозные испытания на прочность! Не успел я еще и оглядеться в новых условиях, как прервалась связь с одним из полков. Меня и старого связиста Шаронина послали на исправление. Когда связь была исправлена и заработала четко, начался немецкий минометный обстрел. Я бросился бежать. Но Шаронин поставил мне подножку, и я упал, не на шутку обидевшись на своего товарища; - Зачем ты так делаешь? - А затем, чтобы ты не горячку порол, а думал... Мина, даже если ветку на дереве заденет - и то взорвется, осыплет тебя осколками... Неумение на войне дорого обходится людям! Ты поклонись ей, мине-то, голова твоя не оторвется, зато цел останешься... А Родине нашей ты нужен целый и невредимый! Понял? Этот разговор запомнился мне на всю жизнь. Хотя я и был неплохим знатоком военной связи, но неколебимые законы войны, в том числе предельная осторожность и осмотрительность, иногда крупными пластами лежали на наших судьбах. Тех, кто не считался с этими законами, жизнь наказывала жестоко. Минометный обстрел немцев усиливался. Мины рвались густо, вздымая груды черной грязи и земли. Некоторые наши ополченцы дрогнули и начали пятиться назад, в тыл. Но на пути бегущих, как глыба, стал с пистолетом в руке командир дивизии Фролов. - Стой! Куда бежишь? - останавливал он солдат. - Товарищ командир! - взволнованно объясняли люди.- Как не бежать, у нас же нет патронов! - Выдать всем патроны! - приказывал дивизионный. Это было радостно для бойцов. Они спешно набивали патронами патронники и подсумки и

быстро уходили в линию сопротивления, то есть на «передок». И все-таки силы были неравными. И, несмотря на то, что передовая дымилась подбитыми немецкими танками, нашим ввиду явного превосходства немецких дивизий пришлось отступать. Командование дивизии перешло на новый КП, пришел приказ и связистам: наладить связь напрямую с действующими подразделениями и быть на линии. Вместе с начальником связи дивизии Епишевым мы в эти минуты оказались рядом с командующим фронтом. Был четкий, краткий разговор с высшим комсоставом. - Довести связь до развилки дороги,- приказал комдив.- Я приеду к вечеру! - Есть! - отвечал начальник связи.- Но налажена ли связь дальше? - Проверьте и доложите! С этим начальство уехало. Я начал наводить связь. Смотрю, навстречу едут командир нашего батальона Метр и командир роты Янкельсон. Кричит, что есть мочи, размахивает пистолетом: - Прекратить работу! Застрелю! Я не растерялся: - Товарищ командир! До двенадцати часов я назначен дежурным по связи и, согласно уставу, подчиняюсь только начальнику связи дивизии. Мои подчиненные, телефонисты, сняли винтовки, приготовившись защищать меня. Увидев это, Янкельсон опустил пистолет. Командир батальона, после непродолжительного молчания, примирительно сказал Янкельсону: - Он прав. Не надо чрезмерно горячиться. Поехали. ... Вскоре мы дотянули провода до командного пункта - на развилку дороги. И тут же приехал на развилку командир дивизии Фролов. Он связался с полками, дал объективную оценку обстановки и уточнил детали дальнейших действий дивизии. Тяжкие, смертельные схватки с фашистами шли по всей линии фронта. Немцы прилагали максимум усилий для того, чтобы опрокинуть героически сражающихся ополченцев. Один из фашистских танков прорвался до контрольной линии связистов, располагавшейся под мостом. Старшина батальона, сильный, хорошо физически подготовленный парень, пробрался к танку незамеченным и поджег его бутылкой с горючей смесью. Но утешение от этого было слабым. Немец продолжал напирать. Командный пункт дивизии вынужден был переехать на новое место. Мое отделение, как обычно, осталось для свертывания связи. С нами остался также и начальник штаба батальона. После выполнения необходимых работ, мы решили продвигаться на новый КП дивизии. Дошли до деревни Терпилицы, где находился второй эшелон нашей дивизии, смотрим, навстречу идет легковая машина. Мы по привычке «проголосовали». Из машины вышел холеный генерал в кожаном пальто, приветливо улыбнулся: - Что случилось, хлопцы? - Ищем штаб первой гвардейской дивизии народного ополчения! - Двигайтесь вот в этом направлении! - он махнул рукой на восток. И спросил: - А здесь что за часть стоит? - Это наш второй эшелон! - Ясно. Генерал весело улыбнулся, пожелал нам счастливого пути, И легковушка скрылась за поворотом. ... Через несколько минут немецкие дальнобойные орудия начали шквальный огонь по нашему второму эшелону ... Уже после обстрела наш связист Бент сказал нам о своих догадках: - Я удивился: когда этот генерал отдавал честь, то на запонках я явно увидел свастику ... Думал, трофейные запонки, а это был не трофейный фашист ... Вот как обдуривают нашего брата! . Пришлось, как говорится, проглотить горькую пилюлю: военная хитрость противника принесла успех, второй эшелон нашей гвардейской, «непромокаемой», как мы ее называли, оказался изрядно потрепанным. А мы продолжали двигаться в поисках своего штаба: мы понимали, что нас ждут и очень тревожились. На перекрестке двух дорог встретили нашего офицера с орденом Красной Звезды. Офицер ругался, на чем свет стоит, пробирал своих струсивших подчиненных: - Где-то высадился немецкий десант, где-то немецкий самолет сделал посадку, так неужели только из-за пущенного кем-то слуха начинать праздновать труса! Безобразие! Мы посоветовали командиру успокоиться, посмеялись и продолжали свой путь. Приближалась ночь. Точного расположения нашего штаба мы ни у кого выяснить не сумели. Пришлось ночевать в траншеях, в Гатчино. Лишь утром, выйдя на дорогу, встретили машину из нашей дивизии. Вскоре были на КП. В это же время к штабу дивизии, на грузовике с хозяйством связистов, прибыли командир взвода Иванов и мой друг Шаронин. И в это же время противник начал шквальный минометный огонь. Со свистом и стоном рвались мины. Все бросились, кто куда. Отдыхавшие солдаты-связисты, побросали винтовки, противогазные сумки с сахаром. По команде комбата Метра все перебрались в деревню Мальсковец. А у

Шаронина с Ивановым, приехавшим на машине,- беда! В баке не оказалось горючего. Комбат приказал: - Заправить машину! Догнать отошедших. - Я не уйду от машины, пока не заправлю ее! - резко возразил я. - А ну, быстро в строй! - был приказ. Но я сумел все-таки спрятаться за амбаром и помочь шоферу, Иванову и Шаронину заправить машину. Мы выбрались на дорогу, разыскали знакомого шофера, ехавшего заправлять танки, и налили у него канистру бензина. И смех, и грех. На месте расположения батальона связистов в беспорядке валялись винтовки, сумки из-под противогазов, служившие тарой для сахара. В котелках доваривались яйца, в термосах исходил паром горячий суп. Мы собрали все это богатство и поехали вслед за отступившими. По дороге встретили полевую кухню. Из топки вырывался горячий свет углей. В общем, поесть у нас в этот вечер было чего. Не повезло лишь в одном - на полпути машина наша влетела в воронку, вырытую артиллерийским снарядом, и только лишь к утру мы сумели вызволить ее из этой «ловушки». Все обошлось относительно благополучно.

Часть 2

Гремела над Родиной война. Почти каждый день слушали мы горестные сообщения по радио об отступлении Советской армии. Сердце сжималось от нахлынувшего на когда-то счастливых людей горя. Погибали русские воины в кровавых боях при отступлении, умирали в госпиталях раненые взрослые и дети. Немец бомбил наши мирные города и села. Сжигал жилища и хозяйственные постройки. Стон стоял по всей Руси Великой. На одном из участков фронта мы сумели задержать нашествие немецких варваров на десять дней. Было это в районе станций Колпино и Ропша, недалеко от Ленинграда. Трагичные были дни. Смерть, как говорится, постоянно разгуливала в наших рядах. Вспоминаю такой случай. Командир роты связи Янкельсон вызвал меня к себе и дал приказ пойти в первый полк, взять связиста помощника, отыскать слева расположение штаба дивизии и от полка до дивизии дать связь. - Надо бы пообедать, товарищ командир! - Обедать некогда. Вот тебе хлеб. Вот жареная курица. Поешь на ходу! Откровенно говоря, я был вполне удовлетворен таким приказом ротного и быстренько добрался до штаба первого полка, где начальником связи был некто Копылов. Мы встретились с Копыловым уже ночью, переночевали в землянке, а утром, чуть свет, двинулись по шоссе по направлению к видневшейся вдалеке деревне. Тайком пробрались по огородам к одному из домишек. Видим, выходит пожилая женщина и делает нам рукой какие-то знаки. - В чем дело, бабушка? - Не ходите дальше,- почти шепотом сказала она, - Там, на краю деревни, фашисты! Я выглянул из-за дома и опешил: немцы, человек пятнадцать, быстренько отрезают нам отход. Решение созрело мгновенно: лейтенант должен был гнать на лошади, а я, уцепившись за седло, бежать рядом. Так мы и сделали, вихрем помчались к кустам. Винтовка моя зацепилась за ветки, и я оторвался от седла, но на ходу успел зацепиться за хвост лошади. Так мы под редкие хлопки выстрелов вырвались из оцепления, приблизились к грейдеру. В эти минуты на полотно дороги вышли две грузовые машины с бронированными бортами. - Эй, вы! - кричали солдаты.- Где тут фашисты гуляют, покажите нам! Мы рассказали все, что с нами произошло, и машины поспешили к дымящейся на горизонте деревне. Вскоре мы нашли штаб своей дивизии. Лейтенант пошел со связистами наводить связь. Я же быстро побежал в дивизию, к своим подчиненным. Смотрю, около штаба собрался народ. Конные связисты привели пленного фашиста. Янкельсон, относительно неплохо владевший немецким языком, допрашивал пленного. - Кто ты? - Я? Я - коммунист. Я не хочу и не буду с вами воевать! Немец улыбался и почти плакал: - Вы - наши товарищи по труду, рабочие ... За что кровь проливать будем? - Правильно, геноссе! Правильно! - одобряли наши солдаты. А я, как бывший спортсмен, с трудом подбирая слова, спросил его, как у них в Германии люди занимаются спортом. И он одобрительно закивал головой: - Да, да! У нас тоже есть спорт ... Солдатам много приходится заниматься спортом. И подумал я в эти минуты о своих ребятах-физкультурниках, вспомнил о своей семье ... Зачем пришел сюда, на эту морозную, недоброжелательную землю немецкий коммунист, не по своей ведь воле. Так что враги тоже бывают разные. Горько писать эти слова ... Но ничего не поделаешь, приходится.

Отступление наших войск продолжалось. Уходила не только армия, уходил от коричневой чумы и народ. Крестьяне шагали следом за телегами, гнали скотину. Вели по закаменевшей глыбистой земле ребятишек. Шли по горящим деревням, по неубранным пашням, Шли, как на казнь. Наша дивизия под прикрытием леса, колонной двигалась к новому месту дислокации. Пролетали над идущими немецкие самолеты. То и дело звучала команда: «Воздух!». Прошла на Ленинград эскадрилья «мессеров». Дивизия маскировалась, как могла. В воздушном бою на наших глазах сбили русский истребитель. Парашют летчика не раскрылся. Наши ребята побежали к месту падения пилота. И велико же было их изумление: летчик, живой и здоровый, стоял на песке и собирал парашют. Оказалось, что ветром его бросило на склон горы, и он проскользил по песку, не причинив себе никакого увечья. Первые дни сентября командование немецко-фашистской группировки «Север» предприняло наступление на участке Ропша-Колпино. Несмотря на большие потери, враг рвался к Ленинграду. Шли упорные бои за Ропшу. Маленький городок несколько раз переходил из рук в руки. Взрывы, пожарища, стоны раненых солдат. Я находился на КП дивизии. В разгар боя прервалась связь. Мне - приказ: «Восстановить линию!». Орудия ли бьют, пулеметы ли стрекочут, идет ли гибельный минометный обстрел, а ты связист - иди! В этот раз я быстро нашел порыв, недалеко от КП полка, которым командовал подполковник Маргелов. Я долго наблюдал за этим изумительным человеком. Он командовал подразделениями, стоя во весь рост. Высокий, сухощавый, с огромным шрамом через все лицо, он был похож на какого-то сказочного богатыря. Длинная шинель, перехваченная портупеей, черненый пистолет «ТТ» в правой руке, сбоку шашка, командир полка показывал пример беззаветной храбрости, силы и уверенности в победе. «Таких людей победить нельзя»,- сделал я радостное для себя заключение. Приказ Маргелова был горек и прост - отступить, оставить Ропшу. А для нас новые заботы, риск и смертельно опасные вылазки по ремонту и восстановлению линий связи. Командиру нашей роты Янкельсону было поручено подыскать место для нового КП дивизии. Янкельсон взял с собой и меня. Недалеко от леса на нас налетела вражеская авиация. Немцы били из пулеметов, гоняясь почти за каждым солдатом. Кое-как мы отвязались от этого назойливого воздушного пирата. Он оставил нас, как мы догадались, лишь потому, что кончилось горючее. Итак, дивизия отступала и отступала. КП дивизии, естественно, передвигался все ближе и ближе к городу Ленина. Однажды мы расположились около большого болота, чуть поодаль стоял березовый лес. В одном из блиндажей размещались станции связи, в другом - командование дивизии. Я навел связь с наблюдательным пунктом и постом, сообщившем о прилете вражеской авиации. И тут же с этого поста поступила команда: «Воздух!». И все замолкло. Я быстро добежал до места расположения поста. Сердце захолонуло от горя: на месте поста зияла чернотой огромная воронка. Пост погиб. Ребят похоронили через несколько часов, опустив тела в злополучную воронку. Сделали опрятный холмик, поставили наскоро излаженный памятник. Сколько их, таких памятников, наоставляла наша первая гвардейская за дни войны!? Уму непостижимо! Хоронили друзей почти всегда молча, тайком смахивая слезы: стеснялись показать свою слабость, проявить сентиментальность. И зря! К вечеру наша дивизия опять вынуждена была отступать. Имущество связистов опять погрузили на телегу и с нее вели всю работу. Появился начальник связи дивизии. Последовал приказ: - Установить связь на поляне, перед деревней! Приказ есть приказ. Но обстоятельства являются обстоятельствами. Во время нашего разговора с начальником связи немцы подняли в воздух разведывательный дирижабль и начали интенсивный артиллерийский обстрел именно того места, на которое мы хотели «посадить» свою связь, то есть расположить штаб, а точнее, КП дивизии. Рассматривая в бинокль окрестности, я увидел мчавшиеся во весь опор кухни. Это снабженцы вовсю старались накормить солдат. Вдалеке дымился взрывами «передок». Я бросился к месту, которое предполагалось для КП. Увидел командира дивизии. Он командовал подразделениями в непосредственной близости к немецким цепям. Нашей роте было приказано начинать размещение штаба за деревней Агакули, где стояли зенитчики. К вечеру мы все были на новом месте. 23 сентября 1941 года можно считать началом длительной обороны Ораниенбаумского пятачка или, как его еще

называли, Приморского плацдарма, с которого в январе 1944 года был нанесен сокрушительный удар по немецко-фашистским дивизиям, блокировавшим Ленинград. На нашем новом КП я встретил командира нашего, батальона Метра. Он построил всех для отступления, в колонну. Я старался не попадать ему на глаза вместе со своими связистами, а потому остался у места расположения КП. Расстались мы с Метром, как впоследствии оказалось, ненадолго: командир дивизии приказал догнать отступающих и вернуть их. Догнали отступивших у мыса «Серая лошадь», в двадцати пяти километрах от нас. После возвращения весь батальон послали на передний край, к деревне Агакули, расположенной на холмах, где шли ожесточенные бои. Три дня связисты вели изнурительные бои с напиравшим и хорошо вооруженным противником. Многих недосчитались из-за одной «незначительной» ошибки Метра. Во время этой же операции полк Маргелова попал в немецкий «мешок», то есть оказался в тылу у немцев, в окружении. Но маргеловцы не позволили запереть себя надолго. К исходу следующего дня они с боями прорвались к своим. 15 сентября противник прорвался к Финскому заливу между Стрельней и Урицким, вся восьмая армия оказалась отрезанной от Ленинграда. Наша первая дивизия гвардейцев народного ополчения в это время была преобразована в кадровую 80-ю стрелковую дивизию. Полки получили такие номера: 153-й, 218-й, 77-й. Мы становились солдатами, не ополченцами. 21-23 сентября противник предпринял массовые налеты авиации на Кронштадт. До 400 бомбардировщиков «сваливали» грузы бомб на нашу героическую морскую крепость. Но город сопротивлялся. Далеко не все немецкие воздушные «асы» возвращались в свое логово. В первых числах сентября через линию фронта перешла небольшая группа наших бойцов: десять бойцов, девушка-санинструктор и два тяжело раненных командира, которых солдаты поочередно несли на носилках. Естественно, как было установлено в то время, все бойцы прошли проверку в особом отделе дивизии. Все было в порядке, только девушка-медсестра из-за фамилии (ее звали Таня Раннефт) вызвала некоторые подозрения. Но и это вскоре все было выяснено. Впоследствии Таня Раннефт стала героиней знаменитого очерка Сергея Смирнова «Смерть комсомолки». Так вот, группа перешедших, солдаты и политрук, сообщили, что на Волховском фронте, около Ладожского озера, бои ведет 54-я армия под командованием Маршала Советского Союза Г. И. Кулика. Бои такие же тяжкие, смертельные. И, как клятву, мы повторяли про себя страшные, злые лозунги: «Наше дело правое - мы победим!», «Кровь за кровь - смерть за смерть». Жизнь диктовала нам эти законы - законы защиты любимой Родины. В начале ноября наша дивизия получила приказ срочно перебазироваться в Ленинград. Передвижение подразделений должно было идти по морю (Финский залив), на транспортных судах. Погрузку начали в полночь, и затемно суда должны были выходить из гавани, иначе артиллерия противника прицельным и методичным огнем потопит флотилию. Не преминет это сделать и превосходящая нашу авиация фашистов. Случай такой уже произошел за несколько дней до погрузки у наших связистов. Так что мы приняли все необходимые меры к тому, чтобы не допустить людских потерь. Весь личный состав спустился в нижние отсеки баржи, судно вышло в море еще до рассвета. Благополучно пробрались мы под самым носом противника к Ленинградским пирсам. Вышли на сушу. Здравствуй, дымящийся, голодный, истекающий кровью Ленинград! Никогда не забуду Великий Праздник Революции день 7 ноября. В тот год это была 24-я годовщина Великого Октября. Черны и тягостны воспоминания тех дней. Мы уже на пристани знали, что Ленинград начинает голодать. С 1 октября 1941 года уже в третий раз снижены нормы выдачи хлеба: по рабочей карточке стали выдавать 400 граммов, по карточкам служащих, иждивенцев и детей - 200 граммов. Трудные условия жизни, невероятно трудные! Но каждый ленинградец четко выполнял свой долг перед Родиной. Надеялись: скоро, очень скоро прогонят врага, освободят город, станет полегче! И никто не знал, что через шесть дней произойдет уже четвертое, а через семь дней пятое снижение норм выдачи хлеба. По этим нормам рабочие стали получать 250 граммов хлеба, а инженеры и служащие, по 125 граммов. ... Сразу же, при выходе с морских пирсов, наша дивизия по безлюдной портовой улице вышла к Обводному каналу и по Калашниковской набережной, Новочеркасскому

проспекту, в обход Прохоровского шоссе вышла за город. Лежал в пригороде белый-белый первый снег. Чтобы прошла дивизия, задерживали прохожих в деревне Березки. Шли, шли солдаты 80-й гвардейской, бывшие ленинградские ополченцы. Дивизия стала резервом фронта. В эти дни противник делал отчаянные попытки прорваться к перешейку между Ладожским и Онежским озерами, соединиться фронтами и создать второе кольцо окружения. В это время вместе с гражданским населением начала голодать и армия ... Отдыхать нам, конечно же, не пришлось. Вскоре прилетел приказ - дивизия выводится из резерва и должна продолжать боевые действия на так называемом «Невском пятачке». Пока мы организовывали рекогносцировку, поступил новый приказ - наступать на Шлиссельбург. Но тут уж все зависело от крутой и коварной Ладоги. Ладожское озеро четвертое в СССР по величине и шестое - по глубине. 18,5 тысячи квадратных километров. Максимальная глубина 230 метров. Суров нрав этого русского водоема. Капризно оно, когда не сковано крепким льдом. Но и скованное - тоже коварно. Наступление на Шлиссельбург оттягивалось из-за тонкого льда, потому что переход к городу предполагался по осеннему некрепкому ледоставу. К тому же, обязательно должен был присутствовать фактор внезапности, то есть ночью, по льду Ладожского озера, мы должны были выйти на побережье восточнее Ленинграда. Все шло по плану. С наступлением темноты дивизия зашла на лед. Штаб замыкал движение наступающих. Вскоре начались непредвиденные трудности. Прежде всего, скользкий лед, невозможность двигаться по нему в сапогах, второе - лед тонок и трещит под тяжестью колонн. Несется команда: «Больше трех не сходиться!». Мы, связисты, тянем волокуши (я и Шаронин), нагруженные кабелем и аппаратами. Идем, идем и идем. Ночь кажется бесконечной. Тысячи людей глухо постукивают сапогами по неокрепшему льду. Впереди какая-то задержка. Люди, сгрудившись на льду, подвергают себя опасности провалиться ... Судя по времени, мы должны быть уже у цели. Но по-прежнему впереди лишь темень, хоть глаз выколи.... Идем, идем и идем. Лед без конца и краю. Ветер свистит за спиной. Редкий кашель, хриплое дыхание. Изредка ругань. Ночь скрывает от глаз лица, прячет чужой страх. Мы идем. Медленно приближается рассвет. Еле уловимые тени появляются в воздухе. Восток окрашивается едва заметной вначале серой дымкой. Становится все светлее и светлее. Вот рассветет широко, и день застанет нас на льду, как на тарелочке ... Фашистам ничего не стоит расстрелять нас, как мишени ... Ясно, что замысел внезапного наступления провалился ... А спасало нас лишь одно: немец не имел сплошной обороны побережья, он построил лишь опорные пункты. К тому же все силы свои фашисты бросили в эти дни на соединение с финнами на перешейке между Ладожским и Онежским озерами. Враг рвался к Волхову, шел севернее Тихвина. Когда рассветало, дивизия повернула обратно. Усталые, злые и голодные, гвардейцы шли назад из последних сил. Уже потом наше позорное «топтание» по Ладожскому льду объясняли непрочным льдом. «Лед подвел!» - так говорили, разводя руками. Без приказа - прекратить наступление - мы вернулись назад, в поселок Морозово ... Все расположились отдыхать, а мне и моим товарищам строгое предписание - дать связь в домик старого рыбака, расположенный на берегу озера. Мы дотянули кабель до хижины, вошли внутрь. В углу, на нарах, лежал старик. Только поздоровались, входит большая группа генералов, в том числе и наш комдив Фролов. Один из генералов обращается к старику: - Дорогой дедушка, мы сейчас, как ты, наверное, догадываешься, будем работать с картой ... Если у вас есть где-то еще одна горница - побудьте там! Рыбак сразу же вышел из домика. Вышел вслед за рыбаком и я. - Если будете нужны,- сказал вдогонку генерал, мы позовем! Более двух часов дежурили мы одиноко у старого рыбацкого дома. Связь работала безукоризненно. Когда генералы ушли, мы сняли аппараты и пришли, наконец, в свою часть. Усталые, свалились спать. Утром командир роты Янкельсон дает новое задание: - Приготовь волокуши, кабель ... Будем давать связь морской пехоте. Поведет их через Ладогу наш Маргелов ... Таков приказ комдива ... Ты береги его, нашего славного комполка ... - Как его убережешь? Он ведь непослушный! - Все равно, приглядывай за ним! И вот строй моряков встречает своего нового командира. Всем известно, что морская пехота - особый род войск, своенравный, вольный. «Ну,- думаю я,- как-то встретят они нового командира, да еще и пехотинца? А

вдруг не примут! Вдруг командир не приживется?». Однако «братишки» встретили подполковника сдержанно. Встали по команде «смирно», замерли, как и положено. Маргелов, увидев хмурые лица, горящие глаза и упрямо сжатые губы, вместо обычных, положенных в таком случае слов: «Здравствуйте, товарищи!», улыбнувшись, сказал: «Здорово, клешники!». Моряки засмеялись. - Какие уж там клешники ... Тоже пехота! - Ну-ну, не вешать нос ... Русский моряк - это тебе не игрушка ... Это человек, который фашисту подпалит всю задницу! Исчезла хмурость лиц, доверчивостью засветились глаза. Моряки приняли Маргелова, как своего доброго командира, они все вскоре стали называть его «батей». Нашел путь к сердцам комполка, добился доброго отношения у людей, с которыми впоследствии пришлось ему быть и в трудных боях, и в тяжелых переходах, с которыми терпел он многие годы и лишения, и горе. В тяжких военных тревогах, в кровавых отсветах войны шли дни. Новый приказ - в короткие сроки дивизия должна перебазироваться на Большую землю, вступить в бои с противником в районах Волховстроя и Тихвина. В ночь на 3 декабря начался переход через Ладогу (благо, опыт уже имелся, и немалый). К вечеру следующего дня дивизия вышла на берег, в районе Бугровского маяка. Усталость была столь велика, что солдаты, не успев ступить на твердую землю, все повалились отдыхать . ... Согласно вводимому в те дни новому БУПу - боевому уставу пехоты связь с полками должна была наводить специализированная рота связи, а не батальон. Это для нас было наиболее приемлемо. Всякая громоздкость в управлении обычно является помехой: наличие в прошлом батальонов связи лишь увеличивало бюрократическую лестницу. А она, как вы понимаете, в обстановке военного времени не служила стимулом для успеха. Здесь, у Бугровского маяка, услышал я весточку о подвигах полка морской пехоты, которым командовал Маргелов. Это они отогнали противника на пять километров от маяка, захватив многие деревеньки. Маргелов в этих боях был ранен, но из строя не ушел. «Великолепный комполка!» - так говорили солдаты. И я радовался за своего любимца. Вступление на Большую землю было для нас радостным. Именно в эти дни, 5-6 декабря, наши войска перешли в наступление под Москвой. А наша 4-я ударная армия в результате наступательных боев 9 декабря освободила город Тихвин. Фашистам не удалось замкнуть второе кольцо вокруг Ленинграда. А это, в свою очередь, позволило спасти сотни и тысячи ленинградцев от голодной смерти, а также повысить обороноспособность города-героя. Теперь наша дивизия передана в 54-ю армию. Враг стремился в эти дни захватить небольшую, но стратегически значимую станцию Войбокало. И наша дивизия во главе с новым командиром полковником Н. В. Смирновым вышла на защиту станции. Мы, связисты, расположились в маленькой деревеньке недалеко от железной дороги. (Теперь уже рота связистов, а не батальон). КП дивизии был расположен в лесу, я же остался на запасном КП, в непосредственной близости к железной дороге. Ждал приказа вышестоящих командиров три дня. Читал. Спал. Ел хотя и скудный, но все же питательный паек. Никто не обращал на меня внимание. На четвертый день терпение мое лопнуло. Спрашиваю командира взвода: - Выходит, что на меня кто-то наложил домашний арест? Взводный смеется: - Никто на тебя никаких арестов не накладывал ... Если надоело отдыхать - иди к ротному ... Там такая перетрубация идет ... Совсем недавно Янкельсон отправил Метра в штрафной батальон ... За кабель, который заморозили на Ладоге ... А бывший командир нашей дивизии Фролов и комиссар расстреляны за то, что сорвали наступление на Шлиссельбург! Понял!? Я пришел к Янкельсону. Он был хмур и спокоен. - А-а-а! Явился? – сказал он. - Так вот, послушай меня, связисты все говорят, что там, где ты наводишь связь,- всегда порядок ... Мы проверили твою работу, когда ты давал связь от Бугровекого маяка, связь к морякам, мы проверили тебя в наведении связи по ориентиру ... И вот ... могу тебя поздравить, тебе присвоено звание лейтенанта ... Будешь командиром резервного взвода особого назначения ... Соберем тебе спортсменов - лыжников со всей дивизии, дадим вам лыжи ... Это будет особый взвод ... - Я же на лейтенанта не учился! - возражаю я Янкельсону. - За время войны ты прошел хорошую школу. Так что не возражай. ... В общем, к вечеру мне уже выдали, как среднему командиру, дополнительный паек, пистолет. Старшего сержанта Скворцова, который и раньше нередко встречался мне на линиях связи,

назначили помкомвзвода. Когда на КП прибыл политрук, весь взвод спортсменов-связистов был уже в сборе. Политрук снял с моей шинели красные треугольнички - знаки сержантского и старшинского звания и прикрепил кубики. - Вот так-то, товарищ лейтенант! - сказал он. - Давай начинай работу с взводом. Не успел я еще, и ознакомиться с взводом, со своими подчиненными, как поступил вызов ротного командира Янкельсона. Его приказ - продвинуться до станции Войбокало, и оттуда, от армейских связистов протянуть связь на деревню Шум. В этот населенный пункт, к утру, должны были прийти роты третьего батальона (командир Андреев) 153 полка. - Сейчас у нас нет проводов, все осталось на Ладоге и все вмерзло в лед ... Надо обходиться тем, что попадет под руку. Остерегайся фашистов, которые еще остались на опорных пунктах ... Будь осторожен ... Даю тебе в помощники лейтенанта Сливака и политрука, старшего лейтенанта Латыша ... Когда будешь давать связь, посылай на линию сначала Сливака, если он не вернется - пусть идет политрук ... Если погибнет и политрук, иди сам! Погрузив телефонные аппараты и две небольшие катушки с проводом на повозку, мы отправились в рискованную экспедицию. Перед отправкой я зашел к Янкельсону и тщательно изучил карту, маршрут, по которому предстояло идти. Итак - дорога! Мой приказ связистам - держать оружие наготове. Шли в ночь, тревожную и черную. Но все обошлось благополучно. На станции Войбокало, куда мы пошли на рассвете, стояла тишина. Ни звука, ни шороха. Еще не рассветало, как мы перешли уже железную дорогу. Лошадь припрятали за большим полуразрушенным зданием, пошли искать армейскую связь. Вскоре обнаружили их расположение. - Ваши документы? - спросил меня один из армейских связистов. - Вот! - я подал ему красноармейскую книжку. - Тут, в книжке, не значится, что вы лейтенант! - Только вчера присвоили звание. Ну? Поздравляю! - Нам приказано присоединиться к вашим линиям. Да, да. Нам уже звонили. Пожалуйста, присоединяйтесь. Мы повели связь с сержантом Скворцовым. Приблизились к железнодорожному полотну, пропустили провод под рельсы. Боялись порыва: по ветке здесь часто ходил бронепоезд. В деревне Шум мы нашли удобный блиндаж, и Скворцов с телефонистами остался дежурить до прихода батальона. Мне позвонили, что одно из отделений ведет связь, разматывая бухту провода, и я вышел навстречу своим ребятам. Однако вскоре в Шуме появился батальон Андреева, и немец начал мощный обстрел батальона из минометов и пулеметов. Мы, прижавшись к земле, продолжали тянуть провода. Резкий удар сзади заставил меня содрогнуться. Пощупал воротник гимнастерки, вытащил из него горячий еще осколок мины. Наверное, кусок раскаленного металла был уже на излете, иначе не пришлось бы мне сейчас писать эту повесть. Несмотря на бешеный огонь противника, мы все-таки распустили катушки и соединили кабель. Связь с дивизией была налажена. Вернувшись на станцию, в Войбокало, я обнаружил своих помощников в плачевном состоянии: политрука, старшего лейтенанта во время артобстрела ранило в щеку, и его увезли в санбат, лейтенант Сливак натуральным образом объелся конины, и его тоже забрали в санчасть. Что тут поделаешь? Шли и шли по дорогам военные машины, танки. Везли на «передок» боеприпасы на подводах. Фашисты минировали двери домов. По дорогам валялись десятки трупов немецких солдат. Это означало, что дела у противника шли из рук вон плохо: не успевали предать земле своих боевых товарищей. Сельские кладбища белели свежими крестами. Это были могилы наших непрошеных гостей. Дивизия шла по пятам противника, выбивая его из опорных пунктов и деревень. Методично, четко работала наша артиллерия. Фашисты в панике удирали, поджигая дома и другие постройки. В одной из деревень я увидел более сотни брошенных фрицами велосипедов. Они еще осенью приготовили их для быстрого передвижения. Но сейчас, когда пришло время сматывать удочки, забыли о своих машинах. А бои все катились и катились к юго-западу. Дивизии было приказано выбить противника с плацдарма между Большой и Малой Плоей. Вскоре приказ был выполнен. Фашистов отогнали за территорию колхоза «Красный Октябрь». Полки 153, 218, 77 выбивали оккупантов из опорных пунктов, гнали их зло и беспощадно. А мне было приказано снимать ненужные провода и двигаться вслед за КП дивизии. Отступая, немцы двигались только по большим дорогам, оставляя орудия и технику. Леса фашисты боялись, как черт ладана. Лес для них был страшнее мороза. От

морозов они спасались, напяливая на себя разного рода одежду и обувку. (Посмотришь на такого вояку и не поймешь, мужик идет или баба!), а лес, «начиненный» партизанами, представлялся им смерти подобным. И еще одна особенность. Хотя и удирали враги, но зверствовать не переставали. Обычно они выгоняли из домов всех жителей, а дома поджигали. Новый, страшный, 1942 год сверкал пламенем пожаров. Лилась кровь, погибали тысячи наших братьев. В первый день Нового года мне было приказано навести осевую линию в направлении на болото Соколиный Мох. От моей линии должна была идти связь в полки. Стоял довольно крепкий морозец. Мы шли с волокушей, пробираясь по снежным равнинам, по кустам и мочажникам. По ночам спали, как говорится,«под сосной» или просто зарывшись в сугробы. Изрядно намучившись, мы добрались-таки до болота с названием Соколиный Мох. Это огромный массив, протянувшийся с востока на запад примерно километров на 15, а с севера на юг - на 8. Утопая в снегу, мы пересекли болото и довели связь до 153 полка. Отсюда уже была дана связь в 218 и в 77 полки. КП нашей дивизии был перенесен ближе к переднему краю, а за болотом остались только второй эшелон и медсанбат, Участок железной дороги Мга - Кириши стал нашим боевым плацдармом. Когда дивизия стояла еще на болоте Соколиный Мох, мы часто слушали по утрам и вечерам доносившуюся с запада канонаду. Это под Погостьем шли тяжелые бои. Так продолжалось недели три. Станция Погостье стала местом жестоких схваток с врагом за овладение железной дорогой. Именно в районе Погостья нашим войскам удалось пересечь полотно дороги на расстоянии 400 -500 метров и углубиться в лес. Известно было, что этот участок и станцию Погостье наши войска захватили ночью и почти без потерь. В общем, как бы там ни было, а на участке не прекращались тяжелые сражения и, естественно, не оставались без работы связисты. В один из дней я лично пошел на устранение порыва. Смотрю, навстречу шагает раненый солдат, в руках у него котелок с кашей. - Товарищ лейтенант! - кричит он мне.- Вон, посмотрите, стоит разбитая кухня, а котел полон каши! Идите, покушайте! Я подошел к кухне на санях, гляжу, действительно, каши на целый батальон. И вижу тут же порыв провода. Осмотрелся и ахнул: недалеко, на опушке леса, трое в белых халатах тянут на ветках кого-то четвертого и тут же заметают след. Я спрятался за остов кухни. Имея определенное задание по восстановлению связи, я не имел права ввязываться в какой-либо контакт, а тем более в перестрелку. Как впоследствии оказалось, фашисты захватили нашего повара в качестве языка и несли его по нехоженым тропинкам, заметая след. Вскоре я сообщил о виденном нашим разведчикам. Они начали преследование, догнали фашистов и выручили несчастного повара. Через день наш 153 полк пересек железную дорогу около разъезда Жарок. Мы заняли небольшую деревеньку Конуую. Я вместе со своими связистами тоже перешел железнодорожное полотно. Мой помкомвзвода сержант Скворцов в это время обслуживал линию. Все вроде бы складывалось благополучно. Но немцы внезапно ударили по разъезду, и нам пришлось отступать. Бомбежка настолько сильна, что в воронки, образованные взрывами, вполне можно было поставить двухэтажный дом. Впоследствии мы разместили в одной из воронок КП батальона. В боях за разъезд был ранен наш командир дивизии. Немцы сумели окружить 153 полк. Гвардейцы держали круговую оборону. Как на зло, в полку вышла из строя рация. Разведчики, пришедшие из полка, просили срочно восстановить вышедшую из строя аппаратуру. И командование решило пойти на риск: послать в полк бывшего профессора, знатока радио, толстого, очкастого Лурье. Лурье никогда не занимался военным делом, он был неповоротлив, рассеян, как все ученые. В дивизии он оказался, как и все ополченцы. И все-таки Лурье сумел проникнуть в окруженный полк. Через день рация заработала, и разведчики привели измучившегося профессора обратно. Жалко было смотреть на бедного толстяка. Однако вскоре он пришел в себя и приступил к работе на рации, которая была оборудована на автомашине. На место старого КП пришел батальон лыжников во главе с Героем Советского Союза (Героя он получил еще за финскую войну) Комаровым. Я дал ему связь от армейской линии и, оставив для обслуги связистов Кочнева, Жукова и Рачинко, ушел на КП дивизии, в район Погостья. И вдруг связь с батальоном прервалась. Не отвечают! Командир роты послал в батальон Комарова связиста Паклина. Наступило утро следующего дня, но связи с

батальоном не было. Паклин исчез неизвестно куда. Янкельсон вызвал меня: - Понимаешь, армейская линия исправна, а батальон молчит ... Что-то случилось ... Твоя задача продвинуться к месту расположения батальона и выяснить все… Сейчас туда отправился взвод солдат ... Догонишь их ... По болоту... И я пошел вслед за опередившим меня взводом… Появился вражеский самолет... Летчик пикировал на меня и строчил из пулемета. Я прыгнул в сторону, в кусты, и закопался в снег. А фашист все заходил и заходил на меня, будто штурмовал неприступную крепость. Наконец, он все-таки оставил меня. Я погрозил ему вслед кулаком и пошел дальше, к контрольной армейской линии. Спрашиваю по телефону батальон Комарова: - Почему не отвечаете? - Нас по нашей позывной никто не вызывает. Вот тебе на! Оказывается, телефонистка перепутала позывные, вместо «резеды» она вызывала «розу». Кто ж ей ответит на такой обман!? А Паклина подстерегли на тропе немецкие разведчики и утащили его, как «языка». Вскоре, миновав вражескую пристрелянную полосу, я был уже в батальоне Комарова. Один из моих связистов и друзей Жуков дежурил у телефона. Связь работала бесперебойно. Я присел рядом с Жуковым, интересуясь его делами. Все было хорошо. Но поздней ночью начался минный налет. Это, как кошмарный сон. Мины рвались со свистом, беспрерывно. Одна мина прямым попаданием пробила бревна нашего блиндажа. Осколками ранило комбата Комарова. Беда! Остатки ночи мы провели в пути. Комарова везли в медсанбат, и я ехал вместе с ним до штаба дивизии.

Часть 3

В книге своих воспоминаний «Поднятые по тревоге» генерал армии Иван Иванович Федюнинский, командовавший в то время 54-й армией, в состав которой входила и наша дивизия, уделяет станции Погостье целую главу, называя бои в районе Погостья «вторым Сталинградом». И это действительно так. Я, как рядовой командир-исполнитель, могу подтвердить это горькими фактами из того тяжкого времени. Все, что происходило, живет в памяти, как будто было это вчера. 153 полк, которому мы всегда обеспечивали связь, с боями вышел через железную дорогу в район Погостья. Командир полка Тронинков, капитан, возрастом почти мой одногодок. Его КП находился в землянке, врытой в железнодорожную насыпь. Над насыпью посвистывали вражеские пули. Пехота - за насыпью, на плацдарме. Связь с батальонами велась по проводам. Начальником связи полка был в то время старший лейтенант Копылов. Кроме телефонной связи, проведенной от полка до дивизии, работала еще радиостанция. До конца войны на ней работал радист Кудрин. Управлять батальонами из блиндажа, врытого в насыпь, было трудно, и командир полка ушел от насыпи в небольшой березняк. Конечно же, и мне пришлось тянуть связь на новый КП. Но для этого надо преодолеть насыпь, и делать это никто не решается: попробуй, сунься, сразу же начинается бешеный пулеметный и винтовочный огонь. Первый раз мы пришли к насыпи по траншее, забитой трупами. Но через насыпь, по крутому подъему, не пошли. Сейчас я решил так: ночью, ножом от винтовки, которые мы обычно носили на поясе, я решил сделать ступеньки на насыпь, чтобы легче было преодолевать полотно и не попасться на мушку противнику. Рывок - и ты на другой стороне! И пусть над головой взвоет пулеметная очередь. Она уже не страшна, хотя человек инстинктивно вжимается в землю или прячется за трупы своих же погибших друзей или врагов ... Шли ожесточенные бои. Наши полки не один раз подымались в атаку, но безрезультатно: враг яростно защищался. Шла борьба не на жизнь, а на смерть. Я потерял счет этим кровавым дням ... Ранен был один из моих связистов Гусев... Успел отлежаться в санбате... А бои все шли. Однажды немцы прорвались через передний край и приблизились к командному пункту полка. Капитан Тронинков организовал контратаку. Все, кто мог держать оружие в руках, вступили в рукопашный бой. В это время командир дивизии вызвал Тронинкова к телефону. Тронинков кричал в трубку: «Отбиваемся из последних сил. Просим помощи!» Я разрядил уже последнюю обойму своего пистолета, схватил у одного из телефонистов винтовку, но и в ее магазине не было ни одного патрона ... А тут вдруг подскакивает к нашему командиру здоровенный фашист, нажимает на спусковой крючок своего автомата, но и в нем,

оказалось, нет уже патронов. Фашист автоматом замахивается на Тронинкова... Но я стукнул его так, что он свалился на землю. Адъютант командира полка Денисов докончил дело: пристрелил обнаглевшего вояку. Нервное напряжение было так велико, что командир орудия командовал сам себе: «Заряжай! Прямой наводкой, беглый огонь!» Залитые кровью окопы, траншеи, блиндажи, сотни погибших - таковы результаты боев в районе станции Погостье ... Но мы не отступили. Наоборот, полк занял свой прежний рубеж и продолжал стоять насмерть, Ночью нас сменила свежая дивизия. Наши полки 153, 77 и 218 ушли для отдыха и пополнения в тыл. Отдых после таких боев казался нам сказочным. Мы получили пополнение людское из ленинградских ополченцев, изрядно ослабленных голодом, а также из сибиряков, парней крепких, хорошо подготовленных и сильных. «Эти могут начистить немцу репицу!» - посмеивались старые солдаты. Во время отдыха я познакомился с начальниками направления связи из 77-го полка - Андреем Масалевым и из 218-го полка - Николаем Емельяновым. Получил письмо от жены, из Кургана. Тревожное и беспокойное. Жена писала, как ее и детей эвакуировали из Ленинграда с последними эшелонами, как по дороге они подвергались налетам вражеской авиации. Спрятавшись от фашистских стервятников в кусты, люди обреченно ждали своей смерти. «Когда объявили отбой и началась посадка в эшелон,- писала жена,- я несла на руках маленького Вадима, а Юра, держась за узелок, шагал рядом. И вдруг он чего-то испугался и побежал обратно в кусты ... Я растерялась. Мою растерянность увидела какая-то не знакомая мне девушка, догнала Юру, принесла его к уже трогающемуся составу!» Оказалось, что второй состав с женщинами и детьми подвергся еще более сильному нападению. Безвинные детишки, женщины, старики были расстреляны фашистами. До Кургана моя жена с детьми ехала целый месяц. Хорошо, что у нее были деньги, и она на станциях, на полустанках, в крупных городах, где останавливался поезд, добывала скудное пропитание. А сейчас жена сообщала, что живет в деревне Воинково, работает в колхозе, что все пока что живы и здоровы. Великое дело получить письмо от жены на фронте. Это и счастье, и радость, и великое успокоение сердцу! Скоро отдых наш подошел к концу. Мы получили пополнение, выспались, заменили неисправное оружие и матчасть. И опять полки ушли на передний край, к плацдармам станции Погостье. Нас начальник направления связи не предупредил о месте нашего нахождения, и мы тоже продвинулись к Погостью. И тут вмешался наш комроты Янкельсон. Он показал по карте, где найти командные пункты полков, и одновременно предупредил, что на КП дивизии находится Иван Иванович Федюнинский. Стояла глухая ночь. По карте и по компасу я вышел на самый передний край. Меня остановил командир одного из батальонов: - Куда ты прешь, лейтенант? Ложись, иначе снимут тебя фрицы. Мы вместе с комбатом определили по карте: указанное место, куда я вышел, соответствовало карте, но КП полка все-таки пришлось искать. Обнаружили мы его совсем недалеко в 40-50 метрах от места нашего нахождения. Устроились в землянке. Непосредственное место расположения командиров метрах в 100 от нашей землянки. Потому-то на КП связисты ходили, как на дежурство... Идет время. Медленное и тревожное. Дежурный на КП Кочнев звонит ко мне и просит смену. Я посылаю связиста Цыбулькина. И опять звонок Кочнева, просит смену. Вышел на линию озабоченный Скворцов. Недалеко от блиндажа с вывернутыми карманами лежал мертвый Цыбулькин. Произошло, по нашим предположениям, следующее: вражеские разведчики хотели утащить Цыбулькина живьем, но он оказал сопротивление, и его убили, забрав из карманов солдатскую книжку и всякую мелочь. Разведчики немцев старались брать связистов живыми потому, что многие из них, слушая разговоры командиров, знают многое. К тому же многим связистам известен условный язык командиров. Снаряды они, например, зачастую называют «карандашами», другие боеприпасы значатся также под другими кодовыми названиями... Несколько слов хотелось бы сказать о личном составе нашего взвода. Очень хорошо помню я своих дорогих ребят. Это ленинградец Саша Скворцов, москвич Максимов Валя, это уралец Железкин, украинец Гусев, украинец Раченко, это наши русские парни: Межеутин, Гусев, Хмыльнин, Костромыкин, Гончаров-Пустуев, Пахомов, Черкасов, Горман, Дмитриев и др. Жили мы дружно, понимали друг друга с полуслова. Фронтовая дружба - самая крепкая и надежная.

Таков закон жизни. Героические будни взвода в районе Погостья да и других районах навсегда будут жить в сердцах. Бывало такое: наших связистов отзывали в другие части, некоторые из них возвращались, некоторые уходили навсегда. В боях под Погостьем мы разделились на две группы: одни наводили связь, другие - копали малые землянки на контрольных линиях и у НП. Под Погостьем наша дивизия провела полтора месяца. В последний день перед бегством немцы, как бы на последнем издыхании, открыли несусветную пальбу трассирующими пулями. Но наша пехота была уже не из пугливых. Поддержали нас в тот день еще и танки. И началось наступление. Вскоре наши части заняли деревню Кокууя. Продвинулись чуть поодаль. Немцы упорно сопротивлялись и одновременно укрепляли новые защитные укрепления, так называемые «китайские стены» - засыпанные между заборами земляные валы. Но, как говорится, колесо истории вспять повернуть было уже нельзя. На защиту Отечества поднялся народ, и изменить события фашисты были не в состоянии. Наладили в основе своей в наших частях в то трудное время и питание. Мы получали сухой паек, сами, в своих котелках, готовили пищу. Был у нас и хлеб, и сухари. Когда сварить суп или кашу было некогда - брали приварок с полковой кухни. Водку, по сто граммов на нос, приносил обычно старшина роты Виноградов Федя. В общем, жилось неплохо. И немца поколачивать мы тоже научились неплохо. Русский мужик, он бывает смирен только до зачина. Зачали немцы войну и расхлебываться им пришлось тяжко. Один за другим шли дни, не похожие друг на друга, пестрые, КП дивизии остановился в густом лесу. Наводим связь следом за наступающими полками. Снега глубокие, рыхлые, затрудняют продвижение. На КП полка начали рыть землянку для командования. Мои связисты на линиях и при КП соорудили землянки с накатником из бревен только в один ряд. Когда работу закончили, я дал команду занести телефоны. Все забрались в землянку. Командир полка Тронинков сказал: «А я в вашу хижину не зайду: вот, через 20 минут будет готова и моя землянка!» Но, будто в ответ на возражение командира, зазвонил телефон: приглашал на переговоры дивизионный. - Заставили все-таки лезти в эту нору! – полушутя - полусерьезно возмущался Тронинков. Едва он успел взять трубку, как начался минный обстрел. И первая же мина ударила в то место, где две минуты назад стоял командир полка. Многие полегли замертво. Кочнев, дежуривший у телефона, хотел выскочить к воронке, помочь раненым, но комбат предупредил: - Сейчас нельзя! Немцы бьют по цели три раза! Вот с третьего раза, когда обстрел прекратится, иди! Когда исправили порыв линии, Тронинков рассказал комдиву, почему замолчала наша связь. Ночью опять случилась беда. Санитары по нашим линиям, а точнее, по нашим дорожкам около линий начали возить раненых. Потом по этим же местам прошло пополнение, потом прошагали разведчики. Враг заметил это движение и начал обстреливать линию. Образовался новый порыв. Я решил отнести линию подальше и наткнулся на оставленный немцами блиндаж. Внутри железная печка, заготовленные и аккуратно уложенные дрова. Все, как говорится, в порядке. И я решил оставить одного связиста в блиндаже дежурить, а сам повел связь до телефонной станции, присоединился к действующей линии и вернулся вновь в землянку, оставленную немцами. В то время, пока я наводил связь от землянки, на линии образовался новый порыв. Комдив распекал нашего Янкельсона: - Если через 20 минут не будет связи, расстреляю! Комиссар дивизии Бердичевский успокаивал комдива: - Вызовите начальника наведения связи, с него и спросите! - советовал он. И вот мне передали приказ - явиться к командиру дивизии, срочно! Я мыслил четко и быстро: если сейчас, ночью уйти к комдиву, можно проиграть время и не устранить новые порывы ... И я лег отдохнуть. «Будь, что будет!» Ранним утром и прибежал на КП дивизии. Зашел сначала в землянку к телефонистам. Там Янкельсон, обеспокоенный и взволнованный, наставлял меня как и что говорить комдиву. Связь работала хорошо. Все порывы к утру были устранены. И вот я в землянке комдива. Часовой доложил о прибытии. Комдив был в хорошем расположении духа, вчерашние вспышки его были уже в прошлом. Он мирно расспросил меня, почему не было связи и почему бывает плохая слышимость. Я объяснил все: что в те минуты, когда прервалась связь, я наводил обводные линии, и что слышимость бывает плохой из-за того, что в холодных землянках отпотевают мембраны. И вот теперь связист Жуков, дежурящий у

дивизионного, держит сухие мембраны у себя за пазухой. Комдив, кажется, был доволен беседой со мной. Он приказал адъютанту напоить меня чаем, но чаю, к сожалению, не оказалось. - Тогда дай ему изюму! - с улыбкой приказал комдив. И адъютант выдал мне большой спекшийся кусок изюма Я зашел на телефонную станцию, телефонисты окружили меня - Давайте будем пить чай! - говорю им.- Вот комдив дал изюму. - Ловко ты отделался, товарищ лейтенант! - Молодец! С трудом отыскав новое место расположения КП полка, я прибыл туда, к своим ожидавшим меня связистам. ...Через три дня дивизия предприняла новое наступление. Стремительно заняли населенный пункт Конуую. За Конуую, вдоль бывшего переднего края, мы захватили немецкие блиндажи. В них разместились и командование, и разведчики, и саперы, и связисты. В блиндаже командира полка я дежурил у телефона. Командир, не обращая на меня внимания, начал обедать. Но обед не состоялся. Налетела вражеская авиация. Заколыхалась от взрывов земля. Тронинков дает команду: - Никому не выходить из блиндажа... Комиссар, встаньте у выхода с пистолетом. Кто побежит, стреляйте! Все остались на местах. Бомбы взрывались по всей линии окопов и блиндажей. Одна взорвалась рядом с блиндажом командира полка. В щепки разнесло два верхних бревна над нашими головами. В открывшееся небо было видно, как самолеты вышли из пике и направились к расположению 218 полка. Там солдаты в панике разбежались кто куда. Жертв было значительно больше, чем у нас. У нас же лишь одного засыпало землей, но вскоре его откопали. Выдержка Тронинкова не однажды спасала людей. И все за это были ему благодарны. Как известно, противник отступил на большом участке железной дороги Мга - Кириши. Отступил он и на Любаньском направлении. Но на небольшом участке левого берега реки Волхов он все еще оказывал дикое сопротивление. Было это в районе железнодорожного моста в районе Киришей. Нашей 80-й было приказано наступать, сдерживая переброску частей противника в район Киришей. Дивизия двигалась быстро. Передовые подразделения сходу захватили новый плацдарм и 10 танков противника, совершенно готовых к бою заправленных и проверенных. Танкисты разбежались кто - куда. Многие попали под огненный вал дивизии. И вот была поставлена задача - посадить на эти танки наших танкистов с лыжным десантом на броне под командованием Комарова, в районе 153 полка перейти передний край противника и небольшую речку Мгу. Все это предполагалось сделать ближайшей ночью. Мне, как и обычно, приказали наводить связь за наступающим лыжным батальоном. Началось движение танков. Мы вслед за танками переправились через речку в кромешной тьме. Слышу, кто-то просит помощи товарищей. Подбегаю к пострадавшему. Оказывается, его переехал танк. Я взял его на руки, позвал санитаров. Вскоре солдат был эвакуирован в медсанбат. (Впоследствии, как выяснилось, солдат поправился, хотя помяло его изрядно). И в эти минуты с наблюдательного пункта сообщили, что на станцию прибыла еще одна большая танковая часть, что она уже разгрузилась, и танки немцев двигаются навстречу нашим. У немцев вышел в этот день (было это где-то в конце марта) большой курьез. Вновь прибывшие танкисты ехали навстречу «своим» с открытыми люками, без принятия определенных мер предосторожности. Наши подпустили их близко. И расстреляли. Всех до одного. Время было весеннее. На речке Мга поверх льда струилась чистая вода. Мы получили приказание форсировать речку напрямую, по неглубокой надледной воде. Мы выполнили это задание, но с трудом выбрались на высокий и крутой противоположный берег. Вышли без потерь. Лишь одному связисту Железкину пуля рассекла палец. По прибытии на КП мы вновь испытали на себе минометный обстрел. Немцы били из новых своих минометов, шестиствольных. Мы называли их «коровами» или «скрипачами». Не очень-то приятны ощущения, когда попадаешь под эту самую «корову». Воронки глубокие, плотность огня предельная, человек в зоне обстрела почти всегда становится жертвой. Наши связисты сумели спастись от огневого вала «коров», а вот разведчики поимели жертвы, один из снарядов взорвался в их рядах. Трагедия! ... На войне, как на войне.

Часть 4

Выполнив боевое задание, наша 80-я стрелковая вернулась обратно, в район Конуую. Оборону же на реке Мге заняла другая воинская часть. Вернувшись на прежние места, мы несколько изменили месторасположение свое. КП дивизии занял место 218 полка, а 153 полк сменил дивизию, стоявшую в районе деревни Смердыни. Здесь 80-я простояла в обороне почти все лето. От КП дивизии до Смердыни - 4 километра. Мы провели здесь две контрольные линии связи. Провели так, чтобы во время обстрела связист мог прижаться к земле в воронке или за каким-нибудь бревном, чтобы осколки принимали на себя наши русские березы или сосны, чтобы и вся природа помогала нам выгнать прочь ненавистного врага. В обороне мы продолжали и учиться, как обращаться с толом, с гранатами. Занимались даже и строевой: подход к командиру, доклад, отход. Мне пришлось изучать все Уставы Вооруженных сил. К тому же, начальники наведения связи чертили «свою» местность на бумаге, а начальник дивизионной связи Епишев проверял придирчиво наши знания. . Состоялось награждение отличившихся в боях. На КП дивизии построили подразделения. Стоял в том строю и я. И получил я в тот день очень дорогую для меня медаль «За отвагу». А командир 153 полка Тронинков был удостоен Ордена Красного Знамени. Награды вручал известный в то время военный и политический деятель генерал-полковник Лев Захарович Мехлис, представитель ГКО страны, член Военного Совета. И еще один памятный случай произошел со мной в это лето. Однажды по делам службы проходил я мимо блиндажа, в котором располагался комдив. Комдив как раз выходил из укрытия. Он подозвал меня к себе: - Слушай, лейтенант! Знаешь ли ты, что я представил тебя к награждению Орденом Красного Знамени? - Нет, не знаю, товарищ комдив! - Так вот знай! Спасибо тебе за отличную связь, за неоднократное спасение 153-го полка! Вот тебе мой подарок! - и он достал из кармана маленькие часы. - Вот! Носи на здоровье ... Когда я пришел в землянку, на КП полка, мой связист, увидев часы, подарил мне к ним золотую цепочку. Везение! Продолжались наши тревожные военные будни. Круговерть событий. В одно время по контрольным линиям связи начала ходить медсестра: - Товарищи, кто из вас был шофером? - спрашивала она солдат.- Шоферы очень нужны фронту! - Ну, я, например шофер! - отвечает связист Гусев. - А какие марки машин знаете? Одну марку, МУ-2! - Что это за машина? - спрашивает девушка. - Это два быка с хвостами! Солдаты смеялись. Так и не нашла сестрица среди связистов ни одного шофера. А дежурили мы так: на КП полка - Жуков, Кочнев, Рачинко, на второй контрольной - Гуляев, Мишутин, Костромыкин, на первой - Гончаров, Гусев, Горман. Горман в начале войны был почтальоном. В дивизию он попал почти мальчишкой, из-за школьной парты. Боевые дежурства всегда, даже во время оборонительных боев, опасны и могут кончиться большим несчастьем. Вот пример. Однажды шел я на КП полка, чтобы проверить слышимость. Внезапно начался минометный обстрел. Я укрылся за дерево. Но вижу, противник ведет огонь веером. Я вскочил и сделал истинно по-спортивному стометровый бросок до КП 77-го полка. Забежал в землянку, а мины уже грохают по накатнику землянки. Когда обстрел кончился, я шел мимо дерева, под которым укрывался вначале. Макушка дерева сбита, и острый раскол ее врезался точь-в-точь в мой след. Лишь минуты спасли меня от верной гибели. И еще, командование постоянно следило за нашей боевой выучкой, а также и за физическим состоянием. Командир роты постоянно давал учебные задания: навести связь от КП до контрольной линии, засекал время. Приказы выполняли мои связисты быстро и точно. «Как настоящие спортсмены!» - говорил связист Жуков. Я был очень внимателен в обращении со своими ребятами. Старался ничем и никогда не обидеть. Старших я всегда называл по имени-отчеству (Иван Федорович, Андреевич), молодых звал по-отечески или по-братски просто: Ваня, Коля. В боевой обстановке - по фамилии или по званию. Шла череда боев местного значения. Дивизия наша к тому времени стала уже настоящей, хорошо обстрелянной, боевой единицей, способной решать крупные стратегические задачи. Организованность и взаимодействие подразделений позволяли избегать потерь. Помню, как ранним утром на КП 153 полка приехал комдив. Дает указание - навести связь с 218 полком: предполагается разведка боем. Вынимает часы, сверяет с моими дареными и говорит: «Через 20 минут доложите об исполнении!» Недолго думая, я взял с собой Раченко, Гуляева, Мишутина.

Бегом мы проскочили маршрут. Доложили о готовности раньше времени. И в это время началось наступление. Мы ползли за командиром полка. Бой длился ровно один час. Разведчики притащили «языка» (фашиста). Когда ползли обратно, я задел цепочкой от часов за кустарник и выронил часы. Потом долго еще ползал за ними, искал. Но найти не мог, Позже мне сказали, что часы нашел один из разведчиков. Но он был тяжело ранен и срочно отправлен в госпиталь. Так мои дареные часы, моя боевая гордость уехали неизвестно куда. Искать было некогда: шла Великая Отечественная война. Возвратились в свое расположение мы уже под вечер. Командир дивизии уехал. Ночью меня вызвал к себе в блиндаж Тронинков: - Ты знаешь, по моим наблюдениям, фрицы не спят ночами. Играют в домино или в карты, курят! Надо бы нам проверить оборону, все посты. И мы ходили на передний край, вглядывались в серую дымку светлых ленинградских ночей. Утром я пришел с дежурства. - Поесть бы сейчас, хоть немного! - Есть нечего ... Ты покури,- совет связиста Раченко был неожиданным. Взял папироску, закурил. И даже не закашлялся. С тех пор я приучился курить. Порочное это занятие, но ничего не поделаешь - приучила к нему воина, Лишь в начале зимы, в декабре, нашу дивизию перебросили в район деревни Назия, располагавшейся в нескольких километрах от станции Шум, к западу. Командиром дивизии был назначен генерал-майор Абакумов. Части дивизии расположились у железной дороги и готовились к погрузке. Меня же вызвал к себе наш неизменный Янкельсон и доброжелательно посоветовал мне посетить медсанбат. - Я же не болею!- возражаю ему. - Тебе и болеть не надо. Там, в медсанбате, сейчас все похоже на довоенный дом отдыха ... Вот я тебе и советую немножко отдохнуть ... Впереди, товарищ, трудные предстоят дела! Я согласился с Янкельсоном и пошел в медсанбат. Необыкновенно мирные картины увидел я там. Солдаты и офицеры с гитарами. Слышится песня. По вечерам танцы. В общем, веселье. Впервые за многие месяцы я улегся спать на кровать с пуховыми подушками и одеялом. И ночь пролетела, как одна минута. Утром не хотелось отрываться от подушки. Сестры смеются: - Так мы всех поднимаем, с уговорами: поешьте и опять ложитесь. ... Недолго продолжалось наше блаженство. На второй день, по тревоге все разъехались по частям. Когда я прибыл на свой КП, дивизия уже находилась в пути, в район Гайтолово и Тортолово. Навстречу нашим довольно сносно отдохнувшим частям стали попадаться солдаты и офицеры, грязные, небритые, с перевязанными руками-ногами. У одного офицера, умывавшегося в ручье, мы спросили: - В чем дело!? Офицер ответил грубо, с ругательствами: - Идите, там узнаете! Вскоре, наведя связь, мы узнали: дивизия должна была расширить коридор - проход для окруженной 2-й ударной армии. Но немцы не только не позволили нам расширить этот проход, они полностью замкнули все выходы, и 2-я ударная, таким образом, оказалась в окружении. Так печально мы и закончили 1942 год. Шло время. О появлении солдата из соседней дивизии мне сообщили с целью, чтобы за ним я протянул связь. Я зашел в землянку, поставил телефон и слышу разговор: - Ну, полковник, если не займешь эту квадратную рощу - не сносить нам голов, и тебе, и мне! Давай действуй. А я сейчас проверю весь передний край! Занавеска раздвинулась. Из проема вышел Климент Ефремович Ворошилов. Вместе с адъютантами они пошли к переднему краю. Когда нарком вернулся назад и исчез в блиндаже, я, набравшись храбрости, спросил у молоденького адъютанта: - Зачем он ходил на «передок»? - Проверять, как солдаты знают поставленную задачу! - Это же опасно для него! - Он ничего не боится. «Что я буду кланяться каждой пуле!?» Как будто смерти ищет! В общем, из этого разговора я сделал вывод на всю жизнь: боевой нарком Ворошилов - это выдающаяся личность, истинный народный герой. А те, кто сегодня пытается очернить его - просто обычные подонки! Всю ночь где-то в тылу 153 полка шумели тракторы. Наутро началось наступление. Соседняя дивизия с налету заняла квадратную рощу и продолжала развивать наступление. Через головы 153-го полка ударили «катюши» (или «эрэсы», как их называли). На линии фашистских позиций поднялись огромные горы разрывов. После «катюш» в атаку пошла наша пехота, но атаковать практически было некого: оставшиеся в живых немцы были почти полоумными. Наши солдаты беспощадно расстреливали их, как бешеных собак, посягнувших на свободу и честь нашего народа. И вот он, долгожданный день - 18 января

1943 года! Наши войска прорвали блокаду Ленинграда. Это была радость! Истинная радость со слезами на глазах. Вскоре после этих событий 153 полк перешел в резерв и остановился в так называемом поселке № 5. 218 и 77 полки продолжали наступать на Синявино. Я ходил смотреть в эти дни немецкую пушку «берту». Ствол у пушки был 10 метров длиной, а в жерло, если открыть замок, можно было залезть даже в полушубке. Пушка выстрелила по Ленинграду всего 3 раза. Сейчас ее охраняли, как реликвию: по защитной сетке был пущен ток высокого напряжения. А сделано было так от того, что партизаны наши, в порыве своей ненависти к фашистам, могли тайком взорвать ее. Приезжал на КП 153 полка командующий фронтом Кирилл Афанасьевич Мерецков. Я находился в это время у командира полка Тронинкова. Он в те дни был уже полковником. После короткой беседы с Тронинковым Кирилл Афанасьевич приказал адъютанту принести коробку ручных часов. Он подарил по часам многим, в том числе и мне. А Тронинкову командующий сказал так: - Сейчас воюй пока, полковник. Потом мы тебя отзовем, будешь командовать корпусом! Ночью 153 полк сменили полки 77 и 218. Я навел связь до блиндажа командира 153 полка. На другой день генерал-майор Абакумов дал указание наладить связь до переднего края. Задание было адресовано моему взводу. Командиру полка полковнику Тронинкову было приказано перейти в батальоны. Начальник связи дивизии приказал мне вести связь только ночью. Я хорошо приготовил своих ребят и довел связь до контрольной. Смотрю, навстречу начальник связи полка Копылов и командир роты. Сомневаются: - Мы не могли удержать связь ротой, а у вас один взвод. Я промолчал, хорошо понимая, что днем, кроме общего обстрела, действуют еще и снайперы. Они бьют точно, насмерть. Но связист мой, бойкий и веселый солдат Гуляев, резюмировал иначе: - А, где наша не пропадала ... Не в таких переплетах бывали. Живы будем - не помрем! И вот наступила ночь. Мы быстро дотянули провод до переднего края, увидел - сетки охраняют пушки. Я присоединил кабель к сетке с одной стороны, отсек его щипцами и сказал связисту полушепотом: - Если будет хорошая слышимость, будем работать по сетке, а кабель пусть остается в резерве! - Хорошо. Раченко взял телефонные аппараты и пошел по сетке, по направлению к пушке. Постепенно мы дошли и до землянки командира полка. Отсекли сетку с другой стороны пушки, проверили слышимость: все было отлично. И так мы продежурили до конца смены. Прибегали от артиллеристов - разрешите попользоваться вашей связью - я разрешал звонить, но предупреждал: - Учтите, если на линии окажется наш генерал, я вас тут же отключаю! Они соглашались на все. ... А в тылу нашей дивизии в это время прокладывалась железнодорожная линия на Ленинград. Фашисты обстреливали железнодорожников-строителей, и наши, чтобы подавить фашистские батареи, тоже вели обстрел. Мы постоянно контролировали связь со своими артиллеристами. , Тревожные были дни. Но мы, солдаты - фронтовики, ощущали постоянную заботу тыла. В описываемые мною дни на фронт очень часто приходили посылки с кисетами, с табаком. Были ящики и с закуской, и с хорошей крепкой водкой. Особенно это было кстати в день Советской Армии. В январе-феврале, благодаря внедрению «в жизнь» знаменитой сетки, укрывающей пушку «берту» от партизанских гранат, у нас не было ни одного порыва. Случалось, что снаряды прямым попаданием ложились на «сетку», но перебить ее было невозможно. Благодаря тому, что связь осуществлялась по сетке и без перебоя, связисты не ходили на исправление линии, и снайперы фашистов ни одного связиста не убили, а также связистов артиллерии, также облегчили работу железнодорожникам, благодаря сетке многих спасли. В конце февраля дивизию перевели под Новгород для форсирования Ильменского залива, но в связи с неожиданно начавшимся ледоходом всю часть вернули обратно. В районе деревни Белая нас задержали на два дня. Шло награждение отличившихся. В моем взводе медалью «За боевые заслуги» наградили связистов Кочнева и Жукова. Я получил орден Красной Звезды. В других взводах многие ребята стали обладателями самой драгоценной медали - «За отвагу». В эти дни я случайно узнал, что моя сестра, Тамара, в одной из соседних частей служит в должности врача. И часть эта находилась всего в двух километрах от нас. Тут же командиры дали мне отпускную бумагу, и я на лошади отправился к дорогой сестре. Приехал ночью в подразделение, где находилась сестра. Оказалось, что она в отъезде.

Пришлось лечь спать. Утром просыпаюсь от ее радостных восклицаний: - Боже мой! Викторин! Живой? Ну слава богу! Красивый голос, изумительно красиво сидящая на ней военная форма, тонкие пальцы врача. Я смотрел на нее, и вся жизнь моя проплывала в сознании, как большая голубая река. Шла война. И свидания родственников всегда были короткими. Коротким было и мое свидание с сестрой, с Тамарой Ивановной. Дивизия наша продолжала двигаться в район Киришей. Вернувшись в полк, я тотчас же принял участие в рекогносцировке местности с командиром полка. Мы ехали на лошадях. В одном месте пересекли небольшую речку. Паводок, видно, был так силен, что деревянный настил моста сорвало со свай, и он, этот настил, лежал рядом. Я видел, как по настилу переехала через речку наша армейская повозка. Вот, думаю, хорошее место для переправы. После рекогносцировки мы, связисты, начали наводить связь. Было еще светло. Мы погрузили аппараты, катушки, провода на подводу и при подъезде к той небольшой речке решили воспользоваться снесенным настилом моста, переехать на телеге с грузом. И тут нас постигла неудача. На середине речки лошадь и телега ушли под воду. Я пробрался к оглоблям и пересек гужи. Лошадь облегченно выскочила на берег. Ну, а телегу и поклажу пришлось выручать путем ныряния. Мокрые, продрогшие, мы все-таки вытащили на другой берег свою поклажу и подошли к пустому деревянному дому без окон и дверей. Решено было так: Кочнев с лошадью вернется на КП, а мы пораньше утром наведем связь. Как мы провели эту ночь, мокрые, на холоде, при пролетающем в воздухе снежном заряде? Кочнев, вернувшись в часть, был спасен теплом и участием товарищей. А мы, Жуков, Дмитриев, Раченко, Дементьев, зашли в пустой дом, занавесили плащ-палатками окна, развели посередине дома костер. И всю ночь сушили мы свое верхнее и нижнее обмундирование и грелись у костра. Казалось, к утру некоторые окажутся больными. Но нет, ни у одного связиста даже ни на одну дольку не повысилась температура. Таких случаев на войне было много. Лишения военных лет сказались позже, когда жизнь стала относительно благополучной. Связь мы в то утро навели. Полк наш, 153-й, был заменен свежим пополнением и отправлен в оборону. И опять пришло лето.

Часть 5

День за днем. День за днем. Скворцов, Жуков, Раченко, Кочнев дежурят в полку, Дементьев, Гуляев, Мишустин - на контрольной, остальные - в роте. На участке, где стояло наше подразделение, было сравнительно тихо. Фашисты затаились, а это означало, что они готовят какой-то подвох. Полковая разведка добыла «языка». Обстановка прояснилась. От Киришей, на левый берег, был перекинут железнодорожный мост. По мосту ходили фашисты. Мост находился примерно в трех километрах от передовой. С моста, по всей вероятности, и шло наблюдение за нами. Когда нашему взводу было дано задание навести связь через реку Волхов, мы принялись за дело спокойно. Нам не один раз приходилось выполнять такие приказы. Я поручил Скворцову наводить связь с лодки, а резиновый провод утопить на дно реки. Раченко и Мишустин распускали провод, подвешивали на него грузы, и погружали в воду. Вскоре таким образом они пересекли реку. Связь, как оказалась, нужна была понтонникам и соседней дивизии, которые ходили по дну реки в водолазных костюмах. Доходили они и до моста, частично повредив его. Когда работа была закончена, немцы, тайком наблюдавшие за нами, обстреляли линию. Но повреждений не нанесли. Связь, в общем, заработала. Сержант Скворцов остался на правом берегу, Раченко и Мишустин на правом, на так называемой Черной речке, в добротных блиндажах. (Кстати сказать, блиндажи эти целы до сих пор. Краеведы города Кириши показывают их приезжающим, как живые памятники Великой Отечественной войны). Так связисты помогали понтонникам. Однако вскоре был получен новый приказ - ниже по течению Волхова, на правый берег, в район деревни Кусено, вывести связь через реку. Связь нужна была строительному батальону, состоявшему сплошь из женщин и студентов. Они хорошо оборудовали окопы, блиндажи на случай налета вражеской авиации или артобстрела. По другому берегу реки ходили девчонки 15-18 лет, старики, женщины. Они сталкивали на воду бревна, вязали плоты, затем на них садились старики и женщины, плыли по течению. Лес

был нужен для строительства разрушенных немцами фабрик и заводов. Встречаясь с девчатами, мы угощали их, чем могли. Дивизия готовилась к боям и одновременно оказывала помощь населению окрестных сел и деревень. Мы косили и сушили сено. Старшина Федя Виноградов искусно собрал прессовальную машину для заготовки сена. К концу 1943 года наши войска на всех фронтах готовились к решающим боям. Готовился и весь Волховский фронт. Во взаимосвязи с Ленинградским фронтом предстояло полностью снять блокаду с города-героя, изгнать агрессора с нашей земли. Наша дивизия, действуя в составе первого эшелона войск Волховского фронта, должна была прорвать оборону противника и освободить город Любань. Приближался час расплаты для немецко-фашистских захватчиков. Дошел черед и до армии группы «Север» - злостного душителя Ленинграда. Разгром ее начался 14 января 1944 года. В нашей дивизии изменился командный состав. Начальником связи был назначен Янкельсон, ротой связистов стал командовать Емельянов. Елишев был переведен в штаб фронта. В роте связистов по рации остался командиром Третьяков. Наступали холода. Дивизия продвигалась, занимая деревню за деревней. Враг сопротивлялся упорно. Усугубляли действия дивизии прескверные дороги - деревянный настил, брошенные поперек полотна бревна, вдоль бревен - доски. Из-за сильных снежных заносов нам приходилось толкать нашу полуторку всем взводом. Командиры полков в эти ответственные дни постоянно находились на передовой, и, следовательно, связистам почти постоянно (где ползком, где бегом) двигаться по линиям связи, исправляя порывы. Противник не прекращал огонь, приходилось часто идти на смертельный риск. Помню, в одном из боев вражеский снаряд угодил в сгоревший немецкий танк, недалеко от которого проходила линия связи и, прижавшись к земле, работали мы. Осколок снаряда рикошетом влепился мне в шапку, сорвал ее с головы. Шапка разлетелась на мелкие клочья. Пришлось надевать фуражку, в которой и проходил я до самого лета, хотя связисты второго эшелона сшили мне модную в те дни «кубанку». Много было риска. Немало было смертей. На одном участке дали мне командиры пакет для доставки в 153 полк. Пакет был с приказом наступать. И тут фашисты открыли ураганный огонь, и тут же произошло повреждение проводов. Связисты скоро устранили порыв, присели покурить. И вдруг еще один порыв. На устранение побежали мои ребята: Мишустин и Гуляев... И беда привалила. Вскоре вбежал в землянку связист Хмыльнин, исправлявший связь с другой стороны. Лицо белое. - Товарищ старший лейтенант! Гуляев и Мишустин убиты ... Прямым попаданием снаряда ... Слезы застлали глаза ... Жалко дорогих друзей. Но, что делать. Собрали их останки в плащ-палатки, унесли в роту. Там похоронили, оставив на могиле маленький памятничек с надписью. Горе горькое шло следом за наступающими войсками. Впоследствии, посмертно, Гуляев и Мишустин были награждены командованием орденами Отечественной войны. Итак, впереди Любань. Позади могилы безвременно погибших товарищей. На сердце - злость и обида за поруганную Родину. Успешно прорвав долговременную оборону противника, наша дивизия двигалась вперед. Я наводил связь за командиром полка. В это время в Любани уже шел бой. Многие дома горели. Мои связисты сначала обеспечили связь командиру полка, продвинувшемуся со своим КП почти в центр города, а потом пришлось обеспечивать связь с дивизией: штаб дивизии оказался в Любани, а полк уже ушел далеко вперед. 28 января 1944 года – официальный день освобождения города Любани и железнодорожной станции советскими войсками. Дивизии приказом Верховного Главнокомандующего было присвоено звание Любанской. Враг отступал, оставляя свои прочно обустроенные укрепления. Многокилометровые переходы были очень тяжелы для связистов: надо не только шагать, не только стрелять, но надо еще и вести связь. Спали на ходу. Идем, держимся друг за друга и спим. У некоторых появилась страшная для солдат болезнь - куриная слепота. Медсестры лечили солдат сосновыми настоями. В походах довольно часто приходилось пережидать двигавшиеся полки. В это время обычно выходили на обочину, утопая в снегу, стлали палатку, другой накрывались и спали крепко, без тревог. И еще одна беда подстерегала солдат - вши. В одном местечке мы устроили себе баню. Натянули палатки, в середину поставили бочку вместо печки, вывели наружу трубу. В бочках была вода, холодная и горячая. Комфорт! И еще один способ борьбы

за чистоту культивировался в частях: в населенных пунктах, где были целы бани,- не только мылись сами из тазиков и касок, но и прожаривали всю одежду. Вошь - страшный враг армии - в эту войну не принесла особых бедствий, ни тифа, ни дизентерии. Санитарная служба Советской Армии за эти заслуги должна носить высокую награду. Не знаю. Так ли это? ... Дивизия приближалась уже к тем местам, где принимала когда-то первое боевое крещение, к станции Волосово. В поселке Сосново остановились на ученье. Задача - научиться прорыву укреплений немцев, называвшихся «китайскими стенами». (Как я уже говорил, это насыпи между заборами, со стороны противника к заборам насыпался снег, и его обливали водой. Такие «крепости» становились неприступными для штурма, потому что штурмующие падали на скользком льду). Пехотинцев учили к «заборам» подставлять лестницы, артиллеристов - прямой наводкой пробивать брешь. В это время к нам прибыл командующий связи фронта с целью проверки нашей работы. Пошли с проверкой по линиям. Естественно, что я был в свите проверяющих. Но мне были даны лыжи, которые раньше возил с собой начальник рации Третьяков. В конце проверки они, очевидно, решили испытать меня на прочность: дали записку с приказом отнести в штаб дивизии. Я быстро на лыжах доставил записку на КП дивизии. Все было в порядке. Вечером я устроился со своими друзьями в палатке. Находился возле телефонной станции, которая находилась в помещении. Полк стоял недалеко, около 1-го километра. После проверки и учений телефонистки Рогачева, Малафеева и Нина (жена Емельянова) наварили нам каши. Был веселый, дружеский разговор. Война войной, а человеческое общение, дружба, товарищество - они не подчиняются никаким командирам, никаким сверхжестким законам войны. Прошла холодная фронтовая ночь. Утром мы получили задание - навести двухпроводную линию связи в особый отдел дивизии. Но вот беда: провод был комнатный, от мороза он лопался и получались частые замыкания. Связисты не успевали исправлять. Меня вызвал капитан особого отдела: - Вы что, нарочно такое делаете? Едва начинаю говорить по телефону - порыв! Я рассказал капитану, в чем дело, и перевел его на однопроводную связь. Порывов больше не было, и связисты мои не мучились, не выходили на исправления. В ту ночь в палатке у нас шел довольно острый разговор, Жуков раздумчиво говорил о прошлом: - Вот ведь, какая штука. Во времена царские бились наши солдаты за бога, царя и отечество, во время революции - шли за Ленина, а сейчас идет бой за Сталина. Видать, Сталин – это царь ... Хочу убью, хочу - помилую... Так что ли? - И откуда ты все это взял? - возражаю ему. - Как откуда? Из жизни ... Вот у нас, в Омске, многих арестовали, как врагов народа ... А за что? Одного моего хорошего друга тоже взяли, как врага, а он всю гражданскую был коммунистом, я и сейчас не верю, что он был враг народа! На этом разговор оборвался. И вспомнил я 1938 год. Арестовали моих учителей, у которых я учился в 1936 году. Директора школы Горизонтова, он был сыном священника, преподавателя физики, бывшего офицера старой армии, преподавателя физкультуры - тоже офицера старой армии. Я долго сидел в задумчивости. Разве мои учителя враги? Не верю. Не может этого быть ... И Жуков прав ... После зимних учений наша дивизия пошла в наступление в районе Нарвы. В середине февраля нас подчинили Ленинградскому фронту, а Волховский фронт ликвидировался. Командовал Ленинградским фронтом Иван Иванович Федюнинский. Наша дивизия в эти дни подошла к реке Луга, образовав на противоположном левом берегу мощный плацдарм. Но недостаток этого плацдарма состоял в том, что он подвергался массированным обстрелам со стороны противника. КП 218 полка занял место рядом с узкоколейной дорогой, правее разместились 153-й и 77 полки. КП дивизии встал также недалеко от узкоколейки, в небольшом хуторке. А мне опять приказ - навести двухпроводную связь. И я, пусть простят мне специалисты высокого класса, решил использовать узкоколейку вместо проводов. С обеих сторон подорвал толом рельсы и присоединил к ним провода. Очень редки были порывы. Четко, без перебоев работала моя связь. Случилось лишь одно несчастье. Однажды связист Любимов попал под артиллерийский обстрел, осколком снаряда ему перебило ногу. Рана была тяжелая. Но вскоре связисту была оказана помощь, и его увезли в медсанбат. Впоследствии я узнал, что Любимов вылечился, но остался навсегда хромым, нога стала короче здоровой. Смешные и

горькие истории происходили с этим Любимовым. Во время дежурств у телефона он влюбился в одну армейскую прачку. Влюбился и женился. Но после выздоровления к нему приехала еще одна жена. Прачка вынуждена была уехать с фронта, потому что была беременна ... И сейчас у Любимова есть где-то его побочный фронтовой сын: «Вывод из этого можно сделать такой. Несмотря ни на какие трудности во время войны жили в сердцах все человеческие чувства, в том числе и любовь». Бои продолжались. Во время неудачного маневра 218 полка он был полуокружен немцами. Связь 153-го полка с 218 прекратилась. Когда я прибыл на КП полка, батальонные командиры и комполка организовали круговую оборону. Бои шли на смерть, и через двое суток положение полка было восстановлено, враг был отброшен. 153 полк организовывал разведку боем. Я в это время был на наблюдательном пункте и видел этот бой через стереотрубу. Солдаты залегли перед пулеметной точкой противника, а в это время, нежданно-негаданно к вражескому пулемету подползла наша медсестра и забросала его гранатами. Пулемет замолчал, тогда она поднялась и замахала рукой нашим ребятам. Но в это время немцы перерезали ее пулеметной очередью. Наши солдаты бросились на немцев, смяли их, сестричку, как я узнал впоследствии, увезли в медсанбат, где она умерла во время операции. Восемнадцатилетняя героиня. Вечная память тебе, Таня Раннефет! Так погибла комсомолка. В тот день, с наступлением темноты, нам, прямо на улице показывали новый фильм «Ледовое побоище» и другие военные, патриотические картины. Наступала новая весна. На нашем участке - затишье. Дивизию вывели с плацдарма. Во время выхода встретили мы американские военные машины. Артиллеристы ехали на них, тащили за собой пушки, не считаясь с дорогой. Нашу полуторку носили мы почти на руках, американская машина проделывала свой путь легко. Позавидовали мы артиллеристам, да что поделаешь, наша техника пока еще была очень слаба. После этого выхода наша дивизия прошла еще немало разных участков. Везде мы вели довольно сильные бои и к 1 марта освободили Ленинградскую и часть Калининской области. Так закончились 900 дней обороны города Ленинграда! Два с половиной года продолжалась блокада. С помощью всей страны мы отстояли город. Ясное дело, народ никогда не должен забыть этот подвиг. А сам город и сейчас может служить символом беззаветной преданности Родине. В самый трудный период войны ополченцы Ленинграда помогли Советской Армии сбить спесь с обнаглевшего врага. Воины народного ополчения сдержали свою клятву, которую они давали под стенами города, выходя навстречу ненавистному врагу. Они дрались, не жалея своей крови и молодых жизней. Неопытные в военном деле, плохо владевшие оружием, слабо вооруженные, но сильные духом, они бесстрашно шли на вооруженного до зубов врага и победили его. Многие погибли смертью героев. Советский народ навсегда сохранит о них светлую память и будет вечно признателен им за их великий подвиг. В боях по снятию блокады Ленинграда участвовала и наша бывшая l-я гвардейская дивизия народного ополчения, переименованная впоследствии в 80-ю стрелковую Любанскую дивизию. После снятия блокады Ленинграда, когда наши войска освободили уже всю область, а также вошли на территорию Эстонии, нас отвели на Карельский перешеек, и наши полки заняли оборону по побережью Финского залива. 15 июня части Ленинградского фронта в короткий срок взломали мощные укрепления врага и овладели городом Выборг. Однако севернее, на подступах к финским границам, шли еще бои. Поэтому полки 80-й стрелковой были выдвинуты севернее Выборга и заняли оборону в районе бумажной фабрики. Мы вновь и вновь готовились к боям. КП 153 полка располагался у самого залива. Мои взвод «поселился» в желтеньком финском домике. До КП дивизии мы дотянули постоянку на столбах. И на видном месте через дорогу обнаружили, что свалился столб. Мы решили спилить его. Но я предупредил ребят, чтобы они хорошо укрылись, когда столб будет падать. Мое предостережение оказалось не бессмысленным. Столб упал на мину, и мина взорвалась, переломив бревно на две части. На побережье Финского залива было немало пока еще не разминированных минных полей. Для связистов, как, впрочем, и для других видов войск - это настоящее бедствие. Относительно мирно катились дни. Недалеко от КП полка, в заливе, виднелся остров. Идут разговоры, что на острове поставлен стеклянный

двухэтажный дом. Любопытство разжигало меня, и я решил съездить на остров. Взял с собой Раченко, Кочнева. Сели на лодку и подкатили к обнесенному каменной стеной строению. В одном месте в воду залива сбегали ступеньки. Мы взошли на остров, внимательно разглядели необыкновенное сооружение - дом из стекла, стекло крепится на железных балках и угольничках. Дом был почти цел. Жестокие ветры войны не затронули талантливое создание прошлых эпох. 22 июня наша дивизия отметила свой трехлетний юбилей. Каждому выдали, как в то время говорили, «боевые сто граммов». Всем приказано было надеть новую военную форму. Портной из второго эшелона сшил мне брюки и китель из английского сукна. И стал я выглядеть настоящим офицером непобедимой русской армии.

Часть 6

Вскоре в часть пришло сообщение: тебя ищет сестра. - Где она? - спрашиваю. - Она здесь. К тебе пришла. Как на крыльях летел я навстречу любимой сестренке, Гале. Оказалось, что она работает неподалеку, в батальоне строителей-железнодорожников. В стройбатальоне города Выборга она и узнала, где нахожусь я. Я пригласил сестру к себе во взвод. Когда мы шли, я несколько раз просил ее, чтобы мы посидели и поотдыхали. Я чувствовал, что начинаю заболевать, у меня медленно, но верно поднимается температура. Связисты мои поздравляли нас со встречей. Сестра рассказала о судьбе наших родных: брат пришел домой после ранения, ему оторвало осколком кисть левой руки. Старший брат, Валентин, служил на Дальнем Востоке, старший лейтенант, был отозван в Москву на строительство метрополитена, как инженер-маркшейдер, средняя сестра попала в оккупацию, сейчас территория освобождена советскими войсками, и сестры переписываются. Связисты, пока мы беседовали с сестричкой, сварили отменную тройную уху. Это был настоящий праздник ... Только вот со здоровьем у меня было что-то неладное. Жуков сбегал к артиллеристам и привел врача. Врач быстро разобрался с моими симптомами: у меня была дизентерия. Тотчас же меня увезли в госпиталь и продержали там целый месяц. А сестру увезли связисты на лошади, в Выборг. И еще одна незадача: из госпиталя к моим связистам приехали медицинские сестры, и каждому сделали прививки от дизентерии. То же произошло и со всеми сослуживцами сестры. К тому же всюду провели дезинфекцию. Вот так повернулась моя военная судьба. Из госпиталя мне дали направление в резервный полк. Но я, когда ехал мимо нашей дивизии, выпрыгнул из машины и ушел к своим связистам. Так я и оказался опять рядом со своими ребятами, с теми, кто знал меня хорошо, с теми, кого и я считал за родных мне братьев. И опять приказы, бессонные ночи, рискованные рейды по наведению связи. Дивизия готовилась наступать через заливчик - форсировать водную преграду. Приказ: телефоны и всю аппаратуру - в резиновые мешки, чтобы не испортились при переходе через водный рубеж. Радист Кудрин со своим помощником тоже упаковали технику. Изучили местность, плав. средства. 25 августа Финляндия попросила перемирия, и наше наступление было временно отложено. 5 сентября боевые действия на Карельском фронте были прекращены, а 14-го сентября с Финляндией был заключен мир. Мы продолжали совершенствовать свою боевую подготовку. В конце сентября в армии проводился легкоатлетический кросс. В нашей дивизии провели кросс (3 километра) по пересеченной местности с оружием, с полным боевым снаряжением. Офицеры - с пистолетами. Форма - военная. Для участия в этом кроссе отобрали 10 человек, в том числе и меня. Когда мы прибыли на место армейского кросса и увидели огромное количество участников, мы немножко засомневались. Но быстрый старт, как говорится, заставил «собраться». Результаты же превзошли все наши ожидания: команда наша имела лучшее время, а лучшим среди лучших оказался я. Я уже торжествовал победу, но бежавшая последней команда из штаба фронта все-таки вырвала у нас победу. Через два дня меня вызвали в штаб фронта и назначили нештатным физруком нашей дивизии. Приехав домой, я быстро составил план по физкультурной подготовке, в который вошли утренняя зарядка и пробеги, а также индивидуальная работа с людьми. В октябре нашу дивизию перевели в город Выборг, на зимние квартиры. Я с взводом выбрал добрую

гостиничную комнату. Связь с полком мы продолжали держать аккуратно. К тому же четко налажена была и радиослужба во главе с Кудриным. Радость перевода дивизии на зимние квартиры оказалась преждевременной. Не отдых на зимних квартирах, а переброска дивизии на I-й Украинский фронт - вот что ожидало нас впереди. Мы, конечно, не знали о стратегических замыслах нашего командования. Все держалось в секрете. В декабре 1944 года дивизию погрузили в эшелоны, по полкам и подразделениям. Меня с взводом и весь третий батальон полка оставили на месте старого расположения на неделю. Мы продолжали обустраиваться и готовить к боям всю свою связь. А в это время уже на погруженных составах происходило следующее. Командир дивизии, полковник Корнилов, не мог соединиться по связи с нужным ему номером. Он до того рассвирепел, что приказал снять с платформы свой легковой автомобиль и приехал на машине к коммутатору. Когда он вошел, я отдал честь и спросил его: - Кто вы, товарищ полковник? - Я твой комдив,- отрезал он.- Пора бы уж знать своего командира. Соедините меня с Андреевым! Я быстро исполнил приказание, и этим, кажется, понравился дивизионному. Дав указания Андрееву (интендантская служба), полковник попрощался с нами. Машина ушла к эшелонам. Через несколько дней подошла пора грузиться в товарняк и нашему третьему батальону, и связистам, разведчикам и саперам. И вот поезд наш в пути. Ехали долго. Стоянки на больших станциях и даже на малых разъездах были частые. На одной станции мы успели до отправления даже вымыться в бане и сходить на базар. Питались мы все из полевой кухни батальона. Ехали весело. Пели песни. Командир разведки, молодой, веселый, был классным запевалой. Армии наши к тому времени перешли уже государственную границу, и мы готовили себя к боям за фашистское логово - за Берлин. Состав наших подразделений был пестрым по национальности. Но все мы были дружны и доброжелательны друг к другу. Приехали мы в Польшу. Там нас ждали уже представители от дивизионного командования с готовыми маршрутами движения. И мы пошли. Пошли по незнакомой чужой земле. Увидев магазин, сержант Скворцов попросил у меня денег. Я дал ему нашу десятку - червонец. Недолго пришлось ждать сержанта из польской лавочки. - Ну, что там продают? - спрашивали мы его. - Я попросил водки, а хозяин говорит - нет ничего. - Тогда я сую ему нашу десятку. И он с радостью притащил мне несколько бутылок. Оказывается, при фашистах торговцам платили оккупационными марками, а поляки эти марки ненавидели, как и самих немцев. Увидев деньгу с изображением Ильича, поляк готов был отдать за нее пол магазина. ... Наконец, мы в дивизии. Наведена связь с полками. Я сменил связистов своим взводом. Начальник связи по секрету говорит мне: - Не попадайся комдиву. Он на тебя зол. - За что? - За то, что ты спросил его: кто вы будете? А как же я должен был поступать! - Не знаю. Я все время был на линии в 153 полку. В общем, я долго остерегался комдива. Но время - лучший лекарь. Потом все утряслось, зажило. В полку мои связисты устроились у одного крестьянина. Вечером Жуков передает мне приглашение: - Хозяин приглашает на небольшой ужин. Хочу, говорит, увидеть советского офицера. - Увидеть, так увидеть. Передай хозяину, что приду! Поляк, наверное, хотел нас удивить. На столе было столько разных вкусных блюд, что разбегались глаза. С немалыми почестями нас рассадили к столу. Я, соблюдая правила приличия, немножко поел вареников и начал было уже благодарить поляка. Но Раченко подсказал мне: «Попробуй всего помаленьку, иначе рассердится!». Пришлось пробовать. . Я познакомился с хозяйством поляка. Пахотной земли немного. Дворы чисты. Имеются коровы, птица. Корова пасется на полосе между пахотными землями. Я спросил хозяина: почему не выгоняет скотину дальше, а держит на привязи. И он объяснил: «Вон видите лес, вон луга - это все принадлежит не мне, а пану помещику. Туда мне нельзя… Мое хозяйство - только мне на пропитание! Так живем!» Дивизия успешно наступала. Временами шли вперед просто походными колоннами вслед за нашими танками. Мы видели на обочинах дорог разбитые немецкие машины, брошенную технику. Бегут немцы, как крысы с тонущего корабля. Изредка полки вступали в короткие бои. А потом опять вперед и вперед. Мой взвод постоянно «преследовал» командира полка, наводя связь. Шли советские войска по городам Польши. Катовицы, Краков. Много разбитых домов, много пожарищ. В одном небольшом городке после бомбежки тушили пожары.

Просила помощи придавленная потолочной балкой женщина. Наши ребята убрали балку, и женщина тут же умерла: ноги ее были раздавлены в лепешки. За взятие угольного бассейна Польши нашу дивизию наградили орденом Кутузова II степени. Когда прошли угольный бассейн, роту связи посадили на машины и перебросили к реке Варта. Полки двигались в этом же направлении в пешем строю. Не обошлось наше движение и без казусов. В одном небольшом населенном пункте начальник связи дал нам задание: - Вон, видите, вдали населенный пункт. Туда к утру должен пробраться 153 полк. Ваша задача обеспечить его связью. Уже темнело. Я определил азимут. Но нужен был свет, а у фонарика кончилось питание. Пошел к радисту Третьякову, одолжил фонарик. И мы пошли. Шли долго. Связисты распускали кабель, а я все время гляжу на стрелки компаса. По времени и по длине кабеля должна быть уже деревня. Но деревни нет. Где же деревня? Неужели сбились с пути? Я бросаю наводку связи, и мы с Горманом идем на разведку. Разведка показала, что мы движемся именно в тот населенный пункт, который нам нужен, но только с обратной стороны. Оказалось следующее: подставляя металлический фонарик к компасу, я постоянно сбивал стрелку. А в результате ошибка. Мы быстро смотали провод. Навели связь почти заново, роработав всю ночь. К утру в населенном пункте появился 153 полк. Утром с взводом мы поселились в одиноком домике. Одна комната в этом жилище была закрыта на замок. Я обошел домик и заглянул в окно. Около дверей лежала немецкая овчарка. С трудом разыскали от комнаты ключ, открыли дверь. Собака зарычала, а потом беспомощно заскулила. На поверку вышло: овчарка не может стоять на ногах от голоду ... Кто-то таинственный решил уморить ее таким жестоким способом. Я с ласковыми словами и с доброжелательными жестами поставил перед собакой еду. Не ест. Я долго уговаривал ее, давая понять, что друг ее и хочу только добра. Собака немножко поела. Потом еще. И еще. К вечеру она поднялась на ноги. Я взял ее на поводок, и мы немного погуляли по улице. Вскоре собака стала моим верным другом. Я назвал ее Джульбарс. На другой день начальник связи говорит, что по распоряжению заместителя командира дивизии надо дать связь через реку, по мосту, на другой берег. Мы быстро справились с этой задачей. И командир начал через мост пропускать проходящие дивизии, с соблюдением очереди, во избежание разного рода происшествий и недоразумений, происходящих на переправах. Лично он пропускал войска, подходившие с правой стороны. А с левой с красным флажком поставил меня. Я взял красный флажок и стою. Подлетает к мосту машина, идет прямо на меня. Я ни с места. Хватаюсь за радиатор. Все это увидел комдив. Приказал шоферу: - Остановиться! - Я Герой Советского Союза! - заявляет шофер. Комдив распахивает шинель: у него на груди тоже звезда Героя Советского Союза. - Отъехать в сторону! - приказывает комдив. Разбирательство идет быстро, решения комдив принимает четкие, ясные: - Если вы Герой, вы обязаны показывать образец дисциплинированности, а не идти на нарушения! - объявляет он зарвавшемуся. Круговерть военных будней носила человека по свету, как маленькую песчинку. Наступали мы быстро, задерживались на местах ненадолго. А поэтому и повествование мое может быть похожим на огромный цветной калейдоскоп. В одном из населенных пунктов, в Польше, где дивизия остановилась на короткую передышку, мы остановились в маленьком уютном домике. Вдруг налетели наши советские самолеты и сбросили бомбы на дом, где располагался наш маленький взвод. Одна из бомб подожгла расположенный рядом с домиком сарай с сеном. Мы выскочили из помещения и начали тушить пожар. Для опознания был сделан для летчика выстрел из ракеты. Летчик покачал крыльями, как бы извиняясь, и ушел на восток. Видимо, нас он сперва принял за фашистов. Мы все остались целы, но мы хорошо убедились в том, как неприятно фашистам попадать под наши авиационные налеты. Вечером был общий ужин для офицеров, но после ьужина, по тревоге, части опять двинулись на запад. В одном из польских городов 153 полк разместился в лагере для пленных, опустевшем в связи с наступлением русских. Что это за лагерь? Высокий забор, сторожевые вышки, колючая проволока. Типичная картина. Внутри, на территории лагеря, аккуратненькие домики и бараки. В одном из домиков «расквартировал» и я свой взвод связи. Глядим, на книжных полках томики Лермонтова, Пушкина, других русских и советских писателей. Мы удивлялись необыкновенной

«гуманности» фашистов. Но, как это впоследствии оказалось, домик представлял собой обыкновенную показуху. Прибежал в расположение Раченко с котелком спирта. Кричит: - Солдаты расстреляли цистерну со спиртом. Спирт бьет струями, только знай подставляй котелки, каски, ведра. А можно и прямо в рот! Но Жуков, опытнейший, осмотрительнейший наш Жуков. Он взял алюминиевую ложку и обмакнул ее в котелок Раченко. Ложка потемнела. - Вот видишь,- сказал Жуков.- Напрасно ты, брат, радуешься: в котелке у тебя не жизнь, а смерть! Спирт метиловый! Я быстро позвонил командиру полка. К цистерне были поставлены часовые. Но поздно. Около 20 человек после принятия больших доз метилового спирта ослепли, 10 человек скончались. Вот она какая бывает, война-то! У нее может быть разное лицо! Пострадал и командир батальона. Его направили в штрафную роту. Случилось, однако, все так быстро, что батальонный в первом же бою был смертельно ранен и умер. Мы поинтересовались предназначением этого «чистого» немецкого лагеря для военнопленных. Изучив дело, мы пришли к выводу, что лагерь был особого назначения. Под лагерем размещался военный аэродром, на маленьком заводике работали специалисты, а рядом с лагерем дымилась электрическая печь, огромная, вместительная. В этой печи должны были сгореть все содержавшиеся в бараках пленные ... Не успел фашист до конца сделать свое черное дело. Вот тебе и Лермонтов на полках, вот тебе и Пушкин!

Часть 7

В Польше существует такой обычай: родился ребенок, и отец с матерью обязательно замуровывают бутылку водки или хорошего вина в какую-нибудь нишу подвала. Бутылка (может быть много бутылок!) должна храниться до тех пор, пока сын не женится или дочь не выйдет замуж. Пока человек не дожил до женитьбы, бутылка будет храниться в нише. Обо всем этом мне рассказала полячка, местная жительница. Мы старались, идя по Польше, не нарушать такие добрые традиции. К тому же вина и водки у нас было предостаточно. Всем винным хозяйством распоряжался Жуков. Он и утром, и в обед, и вечером позволял, кто в этом нуждался, выпивать по 50-100 граммов. Случаев безобразного пьянства или невыполнения приказания из-за пьянки у нас никогда не было. Оно и понятно: пьяный связист - гибель целого воинского подразделения! Идут полки. Поздним вечером, почти ночью в 153 полк прибыл начальник связи. Его указание: ночью дивизионная разведка переплывает на вражеский берег Одера. За разведкой надо дать связь. Никаких разговоров на линии, пользоваться только зуммером. Я приготовил своих ребят - Гончарова, Раченко, Гормана - на задание. Жуков остался на берегу. Начальник разведки предупреждал: - Чтобы мышь пробежит, было слышно! Ни кашлять, ни чихать, ни сморкаться! Наступила темная ночь. Спустили к берегу лодку, поочередно переплыли на другой берег. Когда все собрались, поползли за разведчиками. Добрались в тишине до одного из домиков. Фашисты спокойно сидели, некоторые дремали. Разведчики по сигналу ворвались в домик. Начался бой. Некоторые фашисты сумели-таки перебежать в другой домишко. Там их и встретила основная группа разведчиков. Одних постреляли, другие подняли руки. Но были и такие, кто начал оказывать сопротивление. Тогда командир разведроты выхватил гранату и с поднятой рукой влетел в домик: «Хенде хох!» Все сдались беспрекословно. Вскоре разведчики заняли на плацдарме оборону. Я позвонил Жукову, чтобы он срочно дал знать командиру батальона начать форсирование реки Одер. Разведчики переправили в тыл 15 захваченных в плен фашистов. Среди них, кстати, был один русский власовец, жалкий человечишка, со слезами просивший прощения ... Форсирование прошло без потерь. А военные будни продолжались, серые, тревожные и трагичные. Обратила на себя внимание жалоба наших телефонисток: когда начинают говорить по телефону «двадцать первый» и «тридцатый», сразу же наступает плохая слышимость и идут беспрерывные щелчки. Я проверил сообщение телефонисток: все правильно. Проверили еще раз состояние проводки и контакты. Все в порядке. Пошли с Германом контролировать линии, взяли с собой Джульбарса. Двигались ночью, вдоль железнодорожного полотна. Никак не обнаружим причины плохой слышимости и беспрерывного треска. На переезде начали проверять гражданские домики. В одном из них пожилая полячка сообщила: недавно ходила она в лес, за сушняком и видела, как на

столб залезал немец. - Во-о-о-н там, около домика! - показала женщина. Мы с Германом подошли к столбу, тщательно осветили его со всех сторон. Ничего подозрительного, лишь не толстая железная труба прикопана к столбу и уходит в землю. Зашли в домик, осветили все углы. Нет ничего. И вдруг Джульбарс начал вести себя беспокойно, рычать и царапать ногами пол. - Что это он? - удивился Горман. - А то, что под полом есть кто-то живой. О своих догадках мы тотчас же сообщили разведчикам. Парни в разведке дотошные, как говорится, «битые и тертые», Все обыскали. Ничего не нашли. И вдруг Джульбарс мой рванулся в темноту. Раздался дикий крик, слышались звуки борьбы. Все мы кинулись к месту происшествия, и перед нашим взором предстала такая картина. Джульбарс повалил на землю здоровенного фашиста и, увидев в его руке нож, мгновенно сцапал его за руку. Разведчики скрутили фашиста. А я обнимал своего дорогого четвероногого друга, живого и здорового. Однако Джульбарс не успокаивался. Он тянул меня к люку, ранее невидимому, засыпанному углем. Разведчики остановили меня и Джульбарса. Один из них дал короткую очередь вниз и крикнул: - Сдавайтесь! Из люка с поднятыми руками вылезли еще два фашиста. - Там больше никого нет!- сообщили они. И тогда в люк спустился Горман. Вытащил телефон, рацию. Сообщил: - Провод уходит под землю! Начали проверять столб, Оказалось, что вся проводка была пропущена через трубу громоотвода и присоединена к нашей линии. На допросе фашисты раскрыли «тайну» этой своей хитрости. Они подслушивали нас. Ждали сообщения о завершении строительства моста. В бору, совсем неподалеку от моста, батальон немцев (300 человек) был нацелен на захват штаба полка и на взрыв моста, Пленные рассказали о своей широкой информированности: они знали, в каких домах живут командир полка, командир дивизии, В ту же ночь комдив дал задание прочесать лес (бор). Но фашисты сумели уйти из этого бора, попав на фланг соседней дивизии. Там они все сдались в плен. Добрый, славный мой Джульбарс, он не только охранял связистов на линии, он помог полку решить крупную задачу - обезвредить действовавшие в нашем тылу маленькие отряды немцев и немецких разведчиков. Он практически спас командира полка. Верная моя собака! Много было в дни войны и трагичных, и смешных случаев, происходивших при «участии» Джульбарса. Когда мост был подготовлен для переправы, дивизия без задержки пошла в наступление. Я, как всегда, наводил связь за командиром полка и находился километрах в трех от домика, занимаемого нашими связистами. У телефонов, как контрольные, остались Раченко, Кочнев и Гончаров. И вдруг на КП полка звонок в мой адрес: - Товарищ лейтенант! Мы, выполняя твое задание, сняли аппараты, собрали все твои вещи и готовы двигаться за полком ... Но тут беда! Джульбарс не даст выносить ничего ... Лезет в драку. - А ну-ка дай-ка ему трубку! - Ну, как я дам? - А ты подставь трубку к его уху! - Хорошо. Связист подставил трубку к уху Джульбарса. А я кричу: - Джульбарс! Ко мне! Услышал мой голос друг мой незабвенный. Прыгнул в окно и был таков. Разыскал меня, прижался ко мне, как родной. Когда через мост прошли танки, фашисты бросились отступать. Они знали сокрушительную силу наших «Т-34». Весь фронт после прохода танков пришел в движение. Войска шли по всем дорогам. Наша дивизия продвигалась вперед походным строем. Шли вслед за линейными войсками и наши связисты. Имущество на повозке, на одной лошади, вез Кочнев. Шли мы упорно, ходко, два дня. И опять у нас случилось несчастье: в курке поломалась телега. Надо было срочно ремонтировать. Командир роты дал указание - отремонтировать повозку и догнать часть. Указал также примерный маршрут движения. Много сил мы отдали ремонту. Наконец, все сделали, как надо. Догнали дивизию, пристроились в хвост. А тут грохот моторов, лязг гусениц: дивизию догнали наши танки. Я кричу Кочневу: - Держись правее! Но Кочнев не успел отъехать. Проходивший мимо танк задел ось телеги нашей и отломил гайку. Опять несчастье: стало спадывать колесо. Что делать? Жуков, Кочнев и другие связисты, после непродолжительных разговоров, вырубили жердь, подсунули ее под ось… Так мы продолжали движение. Перед вечером я сказал Скворцову, шедшему с двумя телефонистами стороной, чтобы он смотрел, куда пойдет дивизия. А мы с телегой завернули на хуторок, видневшийся на другой стороне речки. Дорога тут раздвоилась. Куда шагать? Не знаем. Карты нет. Решили зайти в один небогатый домик. Увидели на дворе бричку.

«Упросили» хозяина поменять нашу трехколесную колымагу на исправную бричку. Хозяин, конечное дело, не очень-то был доволен: но ничего не попишешь - война! Немного подзакусив у хозяина, мы с новой бричкой в ночь выехали на поиски своей дивизии. Во время рассвета увидели двигавшиеся полки. Но они оказались не наши. Никто из встречающихся не знал, где наша дивизия. Наконец, мы прекратили безрезультатные поиски, остановили взвод, решили произвести разведку. Где с попуткой, где на танке добрались до КП не нашей дивизии. Я предъявил документы, связался со штабом фронта по телефону, и мне сообщили примерное месторасположение дивизии и маршрут ее. И вот мы пошли по местам только что отгремевших боев. На дорогах трупы убитых немцев, разбитые машины, дымящиеся деревни. В одной из деревень устроились было пообедать, но вскоре все пришлось свернуть, так как на другом конце начался быстротечный бой. Лишь на другой день, к вечеру, мы разыскали свою дивизию, прибыли на КП. Я спросил связистов: - Где Скворцов с двумя телефонистами? - Он не приходил! - был ответ. Так мы и не дождались в те дни сержанта Скворцова. Лишь после войны я узнал, что он со своей группой так же, как и мы, заблудился. Дивизию найти не мог, что и неудивительно в таком наплыве армии, и присоединился к одной из множества частей. У нас - новые хлопоты. Командование приказывает догнать 153 полк. Командир роты дает бумагу, где указаны названия населенных пунктов, по которым идет полк. Карт нет. Ротный успокаивает: - Будете идти через указанные деревни, в каждой деревне берите сопровождающего! - Хорошо. Так и сделаем! - ответил я ротному. Следует сказать, что перед этим заданием выпал не очень большой, но коварный снег: он присыпал белой крупой пути-дорожки, протоптанные наступающими войсками. Это, хотя и незначительно, но затрудняло наступление. Мы шли по полученному мной списку населенных пунктов. Теряли много времени на поиски сопровождающих или проводников. И вот последний по списку поселок. Около речки. Я остался с лошадью, связисты ушли в поселок договариваться о проводнике. И вдруг из поселка на огромной скорости вылетела машина с закрытым кузовом, Подошел Кочнев, говорит: - Не заметили ничего, товарищ лейтенант? - Нет. Не заметил. - Кажется, на кузове у автомобиля есть свастика! - Да ну! - Вы проходите в дом, товарищ лейтенант,- продолжает Кочнев. Захожу. Смотрю, в помещении полно народу, солдаты, сержанты. За столом хозяин, наливает в маленькие рюмки спиртное. - Отставить! - дал я команду.- Сначала, из бутылки, пусть выпьет хозяин! Хозяин не смутился: легко ополовинил бутылку. Потом налил по стакану всем. Выпили связисты. «Спасибо» сказали. И тут же двинулись до следующего села. Оказалось, что и за рекой село носит то же название и служит как бы продолжением. В голове у меня, как заноза, стоит колючий вопрос: «Что за машина пролетела из населенного пункта. Откуда свастика?». Во время остановки мы ясно услышали звуки разгорающегося боя. Я останавливаю всех на короткий отдых. Приказываю Жукову: - Давай, заезжай вот в этот домик! Только когда заедешь, возьми метлу и замети след. Чтобы никто не нашел нас по следам колес от брички. Заехали во двор. Лошадь поставили так, чтобы можно было быстро выехать. Зашли в дом. Улеглись спать кто, где мог, на подостланную солому. Раченко и я не спали. Затем дежурного через полчаса сменил Горман. Хозяин сидел в углу, около печки. Джульбарс лег у дверей. Облокотившись на стол, Раченко заснул. Хозяин, впоследствии, винился передо мной: «Я хотел разбудить связиста, но собака не давала мне даже пошевельнуться ... Как только сделаю даже маленькое движение, она бросается на меня!» Я погладил Джульбарса. Сказал ему: «Молодец!» На рассвете все быстро поднялись и выехали из деревни. И вдруг выстрелы. «Кто стрелял?» - спрашиваю Жукова.- «Это, наверное, по зайцу!» - показал Жуков на удирающего в кусты зайца.- «Какой черт, по зайцу, когда пули возле нас прожужжали» На всякий случай мы быстро отошли немного назад. Я взял бинокль и начал рассматривать местность. И пелена с моих глаз спала. На горе я увидел немецкие танки и машину, которая вчера пролетела мимо нас. Там же, на горе, толпились человек 20 немецких солдат. Все они нацелены по направлению на гребень моста. Вскоре к нам подъехал артиллерист с двумя солдатами. Я рассказал ему, что нас кто-то обстрелял. Он не поверил. Махнул рукой, и артиллеристы пошли дальше. Дошли почти до того места, где обстреляли и нас, и вновь раздались выстрелы. Один из

артиллеристов был ранен. Командир вернулся ко мне. Я подал ему бинокль: «убедись!». Подбежал взволнованный Раченко, рассказал: - Сейчас только бежали связные из полка, с донесением, одного из бежавших убило, второй сообщил, что полк находится в окружении. В это время к нам приблизились повозки с гранатами и патронами. Мы пополнили свои боезапасы. Решено было двигаться по направлению к мосту. Пошли. По дороге встретили поляка. Он толкует: «Куда вы смотрите ... Вон на горке, в школе ночуют 40 немцев». Мы, подумав, решили вернуться к повозке: силы-то ведь далеко не равны. Хозяин хаты, где мы ночевали, добавил сведений: в конце деревни есть, оказывается, хороший мост. Мы сразу же воспользовались этим мостом. Только-только прошли его, как налетела немецкая авиация. Я сказал Кочневу, чтобы он как можно быстрее проскочил до большого кирпичного дома. Сами же мы залезли в трубу у моста. Авиация подожгла одну грузовую машину, обстреляла двигавшиеся воинские части. Самолеты, сделав свое дело, утянулись к западу. И тут на дороге с небольшими котомками появилась семья поляка-хозяина, у которого мы ночевали. Ночью хозяин, оказывается, патрулировал деревню, он знал о месте расположения немцев и хотел сказать об этом нам, во всем виноват Джульбарс. Он не давал хозяину пошевелиться. За то, что разрешил ночевать в хате советским солдатам, немцы выжгли всю его усадьбу. Я взял бинокль и посмотрел на деревню. Действительно, там бушевал пожар. Мы продвигались вперед по направлению движения дивизии. И новый сюрприз: навстречу нам ведут связь связисты из другого взвода. - В чем дело? Почему эту прямую обязанность выполняем не мы? - Не знаем. Нам объяснили, что вы попали в окружение. - Можете считать, что мы вернулись из окружения. Я приказал своим связистам присоединить провод на этом берегу и подвел связь к месту, где должен быть КП дивизии. Скоро подошли танки, и мы со связистами сели на броню и распустили кабель. Фашисты отступили в панике. Полк 153 пошел походным строем. В одном небольшом городке задержались: у выхода из города немцы вели сплошной заградительный огонь. Кудрин работал с рацией на ходу, держал связь с КП дивизии. Кудрин, опытнейший радист, обнаружил во время работы с рацией, что где-то работает еще одна радиостанция. Я доложил об этом командиру полка. Командир полка дал указание разведчикам прочесать крайние дома. Через час наши разведчики приводят парней в коричневой форме и приносят рацию, по которой они давали координаты для немецких артиллеристов. Рацию забрал начальник связи полка Копылов, а разведчики спрашивают: - Что делать с этими юнцами? Командир полка долго и внимательно рассматривал парнишек, потом сказал: - Что делать с этими вояками? У нас принято за это дело драть уши. Так вот, надери им как следует уши и отпусти к папам-мамам! Мальчишки, поняв сущность предстоящего наказания, заулыбались. Они были благодарны доброму русскому офицеру.

Часть 8

Вскоре полк вышел из города. Солдаты России прогнали стрелявших по городу минометчиков. Танкисты продвинулись вперед. Мы шли по разбитым дорогам, заваленным искалеченной техникой, орудиями, шли по изуродованным взрывами дорогам. Валялись убитые, дымились повозки с награбленным в России добром. В одном большом городе на улицы жители вынесли горячий кофе, угощали наших ребят конфетами, бросали в колонны цветы. А в это время навстречу нашим колоннам шагала колонна босых, оборванных пленников. Это были итальянские солдаты, наши пехотинцы называли их «макаронниками» и не считали всерьез за настоящих воинов. Так, просто, вертихвосты поганые! А я про себя называл их «лягушечниками»: сам видел, как один итальянец ловил лягушку, называл ее «деликатес», причмокивал аппетитно губами. Впереди шла наша разведка. И по ее сигналам дивизия, встречаясь с фашистами, разворачивалась в боевой порядок. Фашисты были предельно ослаблены боями: ведь лупили их со всех сторон, и днем, и ночью. Но они все-таки оказывали яростное сопротивление. Таким образом, в составе I-го Украинского фронта мы прошли Польшу и вступили на земли Германии. В районе города Опель мы форсировали реку Одер. Шли с боями на город Нейштадт. Только вперед. Атаки, обстрелы, обходы, установка связи, мины, засады - все эти тяжкие элементы войны испытали мы в

тяжелейших боях, в путях-дорожках от Ленинграда до Нейштадта. И вот он, этот зеленый немецкий город. КП полка разместился на краю Нейштадта. Из каменных казарм высотою в три этажа очень хорошо был виден передний край. Полки вели бои за взятие небольшой деревеньки, пригородов Нейштадта. Когда ее заняли, и полк полностью ушел из города в этот населенный пункт, я напрямик провел связь. В это время и вызвал меня к телефону начальник связи дивизии. Приказал: - Немедленно приезжай. Но в одиночку не езди. Я взял с собой Гончарова, вышел из помещения. Гляжу, едет на мотоцикле знакомый капитан из особого отдела дивизии: - Ты куда? - спрашивает меня. - Я в дивизию ... - Я из дивизии. Смотри будь осторожен. Сейчас меня только что обстреляли! - Ничего-о-о! - самоуверенно заметил я. - Живы будем - не помрем. Мы сели с Гончаровым на велосипеды и погнали что есть силы. Не доезжая до поворота, услышали выстрелы. У моего велосипеда перебило цепь и заклинило руль, и я с предельной скоростью налетел на придорожный предупредительный столб, вместе с велосипедом сделал сальто и упал в кювет. При ударе о столб руль велосипеда врезался мне в ключицу и порвал нервное сплетение. Я потерял сознание. Гончаров стащил меня на дно кювета. И в это время начался шквальный, смертоносный обстрел из ротных минометов. Одна мина попала в велосипед и разнесла его на кусочки, другая срезала Гончарову вещевой мешок. С трудом выбрались мы из кювета. Окровавленные, ободранные, двинулись по дороге. Смотрим, навстречу идет легковая машина командира дивизии. Мы стоим на полотне дороги, с единственным желанием предупредить командира об обстреле. Но в машине был лишь шофер. Он сказал: - Я приехал по поручению командира дивизии… Он видел через оптику, из блиндажа, как вас обстреляли... Он приказал немедленно подавить вражескую огневую точку ... И это уже выполнено ... И вот мы на КП дивизии. За мной приехал Третьяков, начальник связи по рациям. Он и увез меня в медсанбат. В медсанбате, на следующий день состоялся такой разговор с главным врачом и начальником: - Будете ли вы меня эвакуировать? - спросил я. - Нет. На это есть приказ комдива... Мы будем лечить тебя, сколько надо месяц, два, три ... Завтра мы переезжаем ... Но война скоро кончится ... Наша армия уже ликвидировала Берлинскую группировку ... Так что будь спокоен и лечись! Случилось все это со мной 26 апреля 1945 года И начались нелегкие госпитальные будни. Раненый человек на фронте, сгоряча, он еще не полностью ощущает свою боль. Боль приходит уже в госпитале, когда начинаются нагноения, воспаления, когда приходит бессонница. В дни войны десятки тысяч врачей, медицинских сестер не спали с нами ночи напролет. Они старались хоть как-нибудь облегчить наши страдания. Я пообещал главному врачу: - Буду лечиться у вас, пока мне не привезут из полка шинель и мои личные вещи. Вскоре в палату пришла сестра и сделала мне инъекцию. Я забылся в тягостном жарком сне. Полусонного меня увезли в госпиталь и на всю руку и грудь наложили гипс. И началась эвакуация раненых. Погрузили в железнодорожные теплушки, отправили в польский город Катовице, там перегрузили в железнодорожные пассажирские вагоны и довезли до города Львова. И уже изо Львова, на самолете, доставили в район Кавказских Минеральных Вод, в город Ессентуки. Вот здесь-то, в Ессентуках, мне и пришлось лечиться три месяца. Главный врач госпиталя сказал мне, что нервные сплетения как бы зажаты в костях и что операцию мне сейчас делать нельзя. Через несколько дней уже лечащий мой врач пригласил для консультации известного профессора, пожилую полную женщину, одну из первооткрывательниц лечения радоном. Она долго и тщательно осматривала и ощупывала мою руку, расспрашивала об общем состоянии моего здоровья. Сказала врачу так: - Достаньте бутылку радона, делайте примочки. - У нас всего семь бутылок радона ... Наверное, на весь Советский Союз. - Одну бутылку отдайте ему,- настаивала профессорша.- К тому же, скоро начнет работать завод по разливу радона. Всем хватит. Действительно, радоновые примочки отогнали невыносимую боль, которая не давала спать. Но на груди и спине появились болячки, напоминающие экзему. Опять собрался врачебный консилиум. Врач, руководивший отделением, собрал всех причастных к лечению болезней подобного рода. Объяснение нашли одно: это нервная офицерская болезнь, как говорится, расчет за минуты стрессов. Неимоверные, может даже и минутные переживания во время уходов на задания, опасности попасть в окружение и прочее теперь,

в спокойном состоянии, сказываются на здоровье. Хороший результат, я бы сказал, восхитительный, дали радоновые ванны, только что появившиеся в Ессентуках. Спасибо тебе, безвестный для меня профессор, первооткрыватель могущественной силы радона. Экземные заболевания остались в прошлом, но пришла новая болезнь - рожистое заболевание ноги. Температура. Боль. Изолятор. Я продолжал ходить по ессентукским паркам, пил минеральные воды. Постепенно, медленно, но рука стала подниматься. Все лучше и лучше. В нашей палате вместе со мной жили четверо офицеров, один из них - коренной житель Ессентуков. И вот однажды решили мы сходить в театр. После представления молодые офицеры пошли провожать своих девушек, а я поглазел-поглазел да и отправился в госпиталь. Навстречу трое. Окружили меня, Один показывает нож: - Снимай пижаму! Быстро. Я делаю шаг назад и страшно, с поворотом, бью его в грудь. Он падает, задев головой цветочную вазу. Падая, хулиган на мгновенье задержал мою ногу, и я, привстав на колено и подымаясь, влепил другому в подбородок такой удар, от которого он взвыл, прикусив язык. Третий уцепился за меня бульдожьей хваткой, но послышался топот: это мои товарищи спешили мне на помощь. Схватили двоих, который упал и которому я нанес удар в подбородок. Оказалось, оба они - бывшие фронтовики. Но оба они были нравственные уроды - промышляли воровством, искали легкой жизни и водки. В комендатуре им предложили за сутки покинуть Ессентуки. В госпитале часто получал я письма от ребят из моего взвода. «Мы сейчас поняли,- писал в одном письме Жуков,- какой у нас был командир взвода. Мы постоянно помним о тебе. Выздоравливай поскорее». В госпитале и застало меня окончание Великой Отечественной войны. А моя родная 80-я стрелковая Любанская ордена Кутузова II степени дивизия, бывшая 1- я гвардейская дивизия народного ополчения города Ленинграда, закончила войну на территории Чехословакии, в районе города Наход. Из госпиталя выписался я 15 августа 1945 года. Когда ехал домой, в Томск, заехал в Курганскую область за семьей, за женой и сыновьями. Они жили в селе. Жена работала в колхозе. Дети были живы, здоровы, весьма смышлены и веселы. Вернувшись с войны, я вновь стал работать преподавателем физкультуры... Война для меня не кончилась. Я продолжал работать с молодежью призывного возраста, готовить молодых к призыву в Советскую Армию. Призывники, учившиеся у меня, покидали родные села спортсменами-разрядниками. Да и сам я не бросил заниматься спортом. В первую зиму после войны участвовал в лыжных соревнованиях лишь с одной палочкой, а после, к левой руке, палочку наловчился привязывать. В соревнованиях на первенство Сибири и Дальнего Востока участвовал уже с двумя палочками, не привязывая левую палку к руке, а просто ее удерживая. Конечно, здоровье все-таки было надломлено. Но большую помощь оказывал мне институт восстановительной хирургии. Я и сейчас, в свои 79 лет, не покидаю лыжи. Часто принимаю участие массовых кроссах. И результаты у меня неплохие. Война - это боль и страдания людей. Но война - это честь и дружба. В 1981 году побывал я в Ленинграде, на встрече ополченцев 80-й гвардейской. Сколько рукопожатий, сколько воспоминаний. Сколько раз сердце сжималось при вести о безвременной кончине. Много писем получил я от жен гвардейцев, оставшихся вдовами. Знаю, что в Ленинграде где-то живет мой бывший помкомвзвода Саша Скворцов. Там же живут Крупицкий, Бент и другие. Умерли друзья мои Копылов, Янкельсон, Горман, Виноградов Федя. В Челябинске похоронены Емельяновы Нина и Коля... Жизнь продолжается. И в сердце вечно звучат, и будут звучать слова. «Братцы! Друзья мои! Мы пред нашим народом честны и чисты! Подвиг нашего поколения будет жить в веках!»

г. Курган 1992 год